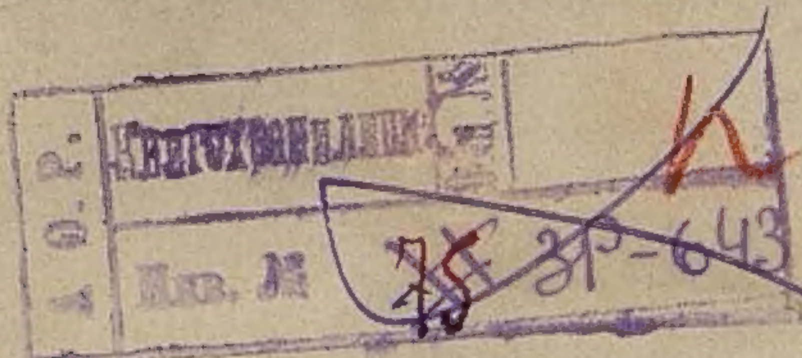
М. Винаверъ.

ИСТОРІЯ ВЫБОРГСКАГО ВОЗЗВАНІЯ.

(Воспоминанія.)

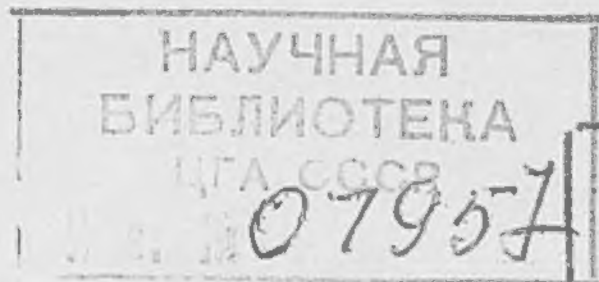

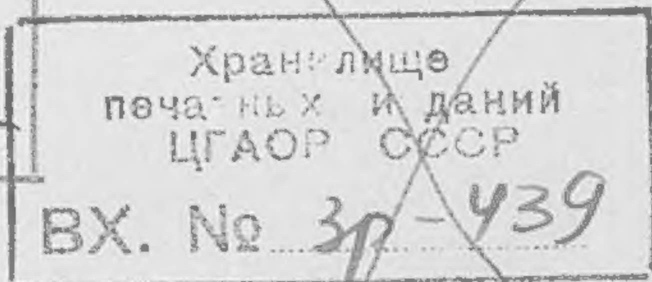

Настоящія воспоминанія написаны мною въ сентябрѣ 1910 года въ деревнѣ, въ Тверской губерніи. Затѣмъ, въ теченіе зимы, они были прочитаны въ Петербургѣ и Москвѣ лицамъ, стоявшимъ особенно близко къ выборгскому воззванію: И. И. Петрункевичу, П. Н. Милюкову, Ф. Ф. Кокошкину и кн. Д. И. Шаховскому — въ видахъ наиболѣе точнаго установленія событій и пополненія возможныхъ пробѣловъ. Изложеніе мое было одобрено; сдѣланы были нѣкоторыя частныя замѣчанія, на основаніи коихъ произведены затѣмъ коекакія исправленія въ первоначальномъ текстѣ. Въ такомъ видѣ признано желательнымъ сохранить настоящій трудъ, какъ «единственный авторизованный разсказъ о событіяхъ 9—10 іюля 1906 года.»

Весною 1913 года воспоминанія были прочитаны въ большомъ кругу политическихъ дѣятелей, въ томъ числѣ многихъ участниковъ выборгскаго совѣщанія; здѣсь выражено было пожеланіе, чтобы они возможно скорѣе появились въ печати.

Осень. Вѣтеръ съ шумомъ рветъ листья съ деревьевъ. Сухой, мертвенный шелестъ на дорогахъ парка. Голые пустыри тамъ, гдѣ вчера еще были полные таинственной прелести зеленые уголки. Какъ все это располагаетъ къ воспоминаніямъ о дняхъ унылыхъ, развѣнчавшихъ юныя, пылкія надежды. Все еще шуршатъ подъ ногами мертвые, желтые листья — все еще голые пустыри, гдѣ зеленѣла свѣжая жизнь. Кто знаетъ: быть можетъ, тѣ, кто свыкся съ глухою осенью, и не пойметъ насъ, нашего упоенія зеленью весны; быть можетъ, среди этого мертвящаго, монотоннаго шума не удастся возсоздать тѣ напѣвы, которые такъ волновали насъ. Попытаемся. Уходятъ со сцены люди; сглаживаются воспоминанія, исчезаетъ, подъ ударами новыхъ временъ, цѣльность настроенія. Пора запечатлѣть то, что еще сохранилось въ душѣ.

Сумрачныя мысли о кратковременности существованія первой Думы неотступно носились надъ головами ея дѣятелей. Теперь, сквозь дымку ухо-

дящихъ годовъ, мы склонны видѣть въ недавнемъ прошломъ одни «золотые дни» свободы, самоупраздненіе старой власти, сдающей охотно свои знамена провозвѣстникамъ освободительныхъ началъ,—мы склонны думать, что реакція началась только со времени роспуска первой Думы. На самомъ дѣлѣ она воцарилась, если не съ 18 октября 1905 года, то лишь немногимъ позже, — усиливалась затѣмъ и крѣпла, проявляла себя очень рѣшительно во время выборовъ въ 1-ую Думу и при изданіи Основныхъ законовъ 23 апрѣля, — и лишь внѣшнимъ образомъ притихла за время существованія первой Думы. Конечно, въ столь возбужденное время, при частыхъ и рѣшительныхъ поворотахъ, могло случиться, что фактъ огромной, неожиданной побѣды оппозиціи на выборахъ и еще въ большей мѣрѣ необычайное единодушіе, проявленное всею Думою, при формулировкѣ основныхъ народныхъ пожеланій, могли произвести извѣстное впечатлѣніе и поколебать положеніе окрѣпшей реакціи. Но это была бы случайность, на которую въ общемъ мало кто разсчитывалъ. Мы работали дружно, съ напоромъ, не удосуживаясь и, если угодно, не желая давать себѣ отчетъ въ томъ, для кого именно работаемъ: для нынѣшняго дня или

для будущихъ поколѣній. Но всякій разъ, когда жизнь наталкивала на размышленія, размышленія эти всегда приводили къ признанію неизбѣжной кратковременности нашего существованія. Необходимо было лишь наилучше использовать предназначенное намъ время и затѣмъ достойно закончить свою жизнь, самымъ актомъ смерти завершая то дѣло, которому мы служили.

Размышленія на эту тему явились у насъ въ конкретной формѣ, въ связи съ возникшими уже въ концѣ мая слухами о предполагаемомъ роспускѣ Думы «на каникулы». Мы всѣми силами рѣшили бороться съ этимъ маневромъ, но въ нашей средѣ возникли разногласія по поводу того, какъ отнестись къ событію, если оно все же случится: признать ли этотъ роспускъ за то, за что его выдавали, т. е. за временный перерывъ думскихъ занятій, или нелицемѣрно отнестись къ нему, какъ къ замаскированному нападенію на народное представительство. Помню: это было въ одно изъ воскресеній, въ знойный лѣтній день. Мы засѣдали въ Центральномъ Комитетѣ въ большой залѣ нашего партійнаго клуба на Потемкинской. Будни мы проводили всѣ въ Думѣ съ 11 час. утра до поздней ночи, употребляя время перерывовъ для засѣданій фракціоннаго Комитета (за завтракомъ

или обѣдомъ), а вечера почти всѣ уходили на засѣданія фракціи. Для засѣданій Ц. К. оставались только воскресенья. Съ часу дня до 7 часовъ вечера длилось засѣданіе, посвященное одному этому вопросу, хотя оно было немноголюдно. Вопросъ ставился очень конкретно: какой долженъ послѣдовать со стороны Думы отвѣтъ, если ей будетъ внезапно объявленъ указъ о роспускѣ на каникулы? Первый, естественный и почти всеобщій порывъ былъ: сказать, что мы не уйдемъ. По началу казалось, что и сомнѣній тутъ быть не можетъ, и что слѣдуетъ только обдумать, какъ лучше обставить свой отказъ, какъ достойнѣе „не уходить». Но противъ этого плана выступилъ съ возраженіями никто иной, какъ П. Н. Милюковъ, позднѣйшій горячій, убѣжденный сторонникъ выборгскаго воззванія. Онъ настаивалъ на необходимости принять актъ роспуска на каникулы именно какъ таковой, и такъ какъ въ такомъ видѣ онъ соотвѣтствуетъ прерогативамъ Монарха, то и подчиниться ему, стоя на строго-конституціонной точкѣ зрѣнія. Критически отнесся къ мысли о неподчиненіи и В. Д. Набоковъ, впрочемъ, не столько съ точки зрѣнія конституціонной лояльности, сколько съ точки зрѣнія невыполнимости самаго плана. Онъ изображалъ въ на-

смѣшливой формѣ состояніе депутатовъ, которые два-три дня подъ-рядъ немытые и голодные бродятъ по Таврическому дворцу и, наконецъ, отъ скуки сдаются во власть правительства. Но этотъ тонъ какъ-то дисгармонировалъ съ общимъ настроеніемъ, а «конституціонныя» соображенія Милюкова отдавали нѣкоторою наивностью. Помню, какъ И. И. Петрункевичъ съ большою простотою и искренностью заявилъ, что, не вдаваясь ни въ какія разсужденія и не страшась никакихъ картинъ, онъ за себя долженъ сказать, что не сможетъ, физически не сможетъ уйти и останется сидѣть, каковы бы ни были отъ этого послѣдствія. Онъ полагаетъ, что съ такою мыслью шли въ Думу депутаты, и этого ждетъ отъ нихъ населеніе.

Вопросъ былъ рѣшенъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Небезъинтересно, можетъ быть, отмѣтить, что присутствовавшій на засѣданіи П. Б. Струве, возвращаясь со мною на дачу въ вагонѣ Финлянд. ж. дор., особенно рѣзко выражалъ изумленіе по поводу взглядовъ Милюкова. Оставалось рѣшить: какія мѣры предпринять. Одна мѣра — предупредительная — состояла въ томъ, чтобы правительству дать знать съ трибуны Думы, что мы не желаемъ каникулъ. Для этой

цѣли рѣшено было составить приблизительный планъ занятій Думы на три мѣсяца впередъ (до зимнихъ мѣсяцевъ). Исполненіе этого возложено было на меня, и соотвѣтственное заявленіе было подано въ Думу 5 іюня*). Но это было, конечно, не главное. Главное было составить тотъ актъ, съ которымъ мы обратимся къ странѣ изъ Думы, отказываясь подчиниться распоряженію о роспускѣ. Составленіе такого акта (или манифеста, какъ его тогда называли) возложено было на Милюкова.

Проходили затѣмъ недѣли, прошелъ мѣсяцъ — манифестъ составленъ не былъ. Почему, сказать трудно. Никакого иного, противоположнаго рѣшенія у насъ не состоялось. Наоборотъ, когда по другому поводу вопросъ о роспускѣ былъ составленъ во фракціи, настроеніе сказалось такое же, если не болѣе повышенное, какъ и въ Ц. К. Неизгладимое на всѣхъ впечатлѣніе произвелъ помнится, нашъ патріархъ, Вас. Ив. Долженковъ, старикъ 70 слишкомъ лѣтъ, который, при общемъ волненіи, своимъ прерывистымъ, но громкимъ голосомъ заявилъ, что явился сюда либо дать народу права, либо умереть на мѣстѣ, и этотъ

*) Подробнѣе объ этомъ см. мой «Конфликты въ первой Думѣ», стр. 127.

послѣдній долгъ свой исполнитъ, разъ не дано ему исполнить первый. Въ томъ же тонѣ держали рѣчи и другіе депутаты.

Въ этихъ предварительныхъ толкахъ и рѣшеніяхъ несомнѣнно кроется зародышъ выборгскаго воззванія. Жизнь ввела только поправку, на видъ незначительную, но оказавшуюся роковою по своимъ послѣдствіямъ. Мы ошиблись въ одномъ — мы были увѣрены, что указъ о роспускѣ объявятъ намъ непремѣнно въ самой Думѣ. Во фракціонномъ засѣданіи, о которомъ рѣчь шла выше, кто-то упоминалъ даже о возможности такого роспуска, при которомъ депутаты, явясь въ Думу, найдутъ «замокъ на дверяхъ»; но это замѣчаніе прошло какъ будто незамѣченнымъ. таково было повальное заблужденіе, теперь совершенно необъяснимое. Въ немъ и источникъ многихъ позднѣйшихъ кривотолковъ, недоразумѣній и, можетъ быть, несчастій. Въ немъ, я думаю, и причина нашей безпечности въ вопросѣ о заблаговременномъ составленіи манифеста. Для собранныхъ въ думскомъ залѣ депутатовъ, проникнутыхъ единымъ настроеніемъ, не могло представлять особаго затрудненія составить манифестъ; не ощущалось потому особенной потребности имѣть непремѣнно бумагу, заготовленную

заранѣе. Мы привыкли за это время творить быстро и скокомъ самые крупные государственные акты — высокая температура быстро спаивала — мы и не торопили, и бумага осталась ненаписанною. О, если бы мы тогда могли конкретно представить себѣ ту обстановку, въ которой будетъ начертанъ дѣйствительный манифестъ . . .

9 іюля былъ тоже воскресный, знойный день. Наканунѣ мы разошлись поздно, измученные тревогами послѣднихъ дней, но какъ будто успокоенные относительно ближайшаго будущаго: просилъ же Предсѣдатель Совѣта Министровъ еще въ пятницу, 7 іюля, вечеромъ, Предсѣдателя Думы, дать ему возможность выступить въ Думѣ въ понедѣльникъ!

А въ ночь съ субботы на воскресенье около 4 часовъ П. Н. Милюковъ въ редакціи «Рѣчи» получилъ извѣстіе, что роспускъ рѣшенъ, указъ подписанъ и къ утру будетъ опубликованъ.

Я лично провелъ эту ночь на дачѣ въ Финляндіи. Въ 9 часовъ утра разбудила меня телеграмма И. И. Петрункевича: «Пріѣзжайте немедленно крайне нужно». Догадаться, въ чемъ дѣло, было не трудно. Съ ближайшимъ поѣздомъ, отправлявшимся въ Петербургъ въ одиннадцатомъ часу, я уѣхалъ. Проѣзжая мимо моей го-

родской квартиры, узналъ отъ швейцара, что «господинъ Милюковъ на велосипедѣ часовъ въ 7 утра были». Догадка превращалась въ увѣренность. Я ѣхалъ къ Петрункевичу, оглядывался, искалъ на лицахъ людей, искалъ на мертвыхъ камняхъ отраженіе нашего несчастія. Сонливые пѣшеходы, сонливыя лошади, сонливое солнце. Безлюдье — никакой жизни, никакого признака движенія. Кричать хотѣлось отъ ужаса и боли.

У Петрункевича въ кабинетѣ засталъ уже собранныхъ главныхъ дѣятелей партіи, всего человѣкъ около 20. О томъ, что происходило до моего пріѣзда, могу передать лишь на основаніи позднѣйшихъ разспросовъ лицъ, присутствовавшихъ съ первой минуты: И. И. Петрункевича, П. П. Милюкова, отчасти Ѳ. Ѳ. Кокошкина и кн. Д. И. Шаховского.

Милюковъ, получивъ тревожное извѣстіе, объѣхалъ городъ и созвалъ почти всѣхъ членовъ Ц. К. партіи. Собираться начали часовъ около 8. Первымъ явился самъ Милюковъ. Основная мысль будущаго воззванія опредѣлилась съ первой же минуты: ее подалъ И. И. Петрункевичъ въ бесѣдѣ съ Милюковымъ въ то время, когда еще никого, кромѣ нихъ, не было. Вскорѣ затѣмъ явился Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и самостоятельно, не

зная о планѣ Петрункевича, предложилъ отъ себя ту же идею: построить воззваніе на призывѣ къ пассивному сопротивленію. Оно и понятно: мысль была не вполнѣ нова; она носилась въ воздухѣ уже съ момента тревожныхъ извѣстій о роспускѣ на каникулы; она разбиралась попутно и въ томъ засѣданіи фракціи, въ которомъ предусматривалась возможность обращенія съ манифестомъ къ народу.

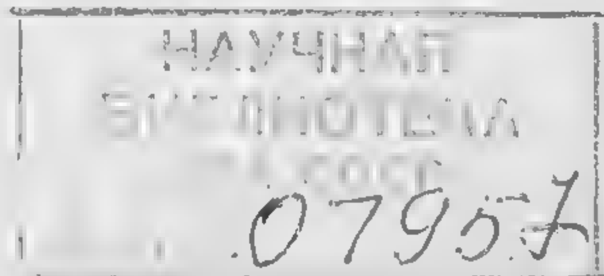
Совѣщаніе Ц. К. приняло основную мысль манифеста почти безъ возраженій. Самое составленіе манифеста возложено было на Милюкова, который тотчасъ же удалился въ сосѣднюю комнату и принялся за работу. Составивъ набросокъ, онъ прочелъ его присутствующимъ и выслушалъ ихъ замѣчанія. При этомъ Милюковъ замѣтилъ, что шагъ, который предполагается сдѣлать, напоминаетъ соотвѣтственный моментъ исторіи французскаго учредительнаго собранія, и что депутаты, собирающіеся сдѣлать этотъ шагъ, должны дать себѣ ясно отчетъ въ томъ, что никто изъ нихъ въ Думу не вернется; и если нѣтъ этой готовности къ жертвѣ, дѣлать его не слѣдуетъ. И. И. Петрункевичъ, поддержанный всѣми присутствовавшими депутатами, отвѣтилъ, что эта сторона дѣла всѣмъ ясна и ни въ комъ сомнѣнія не вызываетъ.

Когда я пріѣхалъ — часовъ около 12 — Милюковъ дѣлалъ уже исправленія на основаніи выслушанныхъ замѣчаній. Онъ прервалъ работу и далъ мнѣ прочесть написанное. Проектъ былъ очень длиненъ, примѣрно въ три раза больше того, который былъ впослѣдствіи принятъ въ Выборгѣ. Но схема его была та же, что и принятаго въ Выборгѣ: первая часть содержала протестъ противъ роспуска, вторая — призывъ къ пассивному сопротивленію. Мнѣ казалось, что проектъ составленъ слабо, что въ манифестѣ долженъ былъ бы рѣзче прозвучать крикъ возмущенія: какъ блескъ молніи онъ долженъ былъ освѣтить передъ населеніемъ истинный смыслъ того, что совершилось. Этой стихійной негодующей силы въ немъ не было. Вторая часть — призывъ, впослѣдствіи сыгравшій столь роковую роль — не привлекалъ къ себѣ вниманія. Да это казалось — особенно въ эту первую минуту — столь элементарно простымъ и естественнымъ, минимумомъ, жалкимъ минимумомъ дѣйствія, оставшимся въ нашемъ распоряженіи. И именно потому, что это было такъ мизерно, чувствовалась особая потребность рѣшительнѣе и сильнѣе исполнить то, что было въ нашихъ силахъ: издать крикъ возмущенія, который бы соотвѣтствовалъ силѣ

нанесеннаго удара и раскатился бы зычно по странѣ. Мнѣніе мое я вкратцѣ передалъ Ивану Ильичу; онъ предложилъ мнѣ написать немедленно другой проектъ. Послѣ минутнаго колебанія я отказался. Время для этого уже ушло — всѣ волновались уже не по поводу редакціи, а по поводу самаго способа исполненія плана. Собственно и по этому послѣднему вопросу рѣшеніе уже было принято — но рѣшеніе, продиктованное отчаяніемъ и потому мало кого удовлетворявшее. Рѣшено было ѣхать въ Выборгъ, и одинъ изъ нашихъ, Д. Д. Протопоповъ, уже уѣхалъ туда искать помѣщенія. Мотивы этого рѣшенія были чрезвычайно просты. Дума была закрыта, оцѣплена войсками и полиціей; у передней рѣшетки садика стоялъ густой нарядъ полиціи, учтиво указывавшій дорогу единичнымъ появлявшимся депутатамъ. Единственное мѣсто, которое могло бы насъ вмѣстить, былъ нашъ клубъ на Потемкинской, удобный еще и въ томъ отношеніи, что депутаты естественно прежде всего являлись туда и, слѣдовательно, легче было всѣхъ собрать. Но и дворъ нашего клуба, и всѣ сосѣдніе дворы были густо набиты полиціей и войскомъ. Было совершенно очевидно, что соберись нѣсколько десятковъ человѣкъ, полиція ихъ окружитъ и

остальныхъ не допуститъ. Я помню отчетливо, что никого не смущала мысль о судьбѣ нашей въ случаѣ, если бы намъ удалось гдѣ-нибудь собраться. Мы были исполнены той же рѣшимости не уступать и издать манифестъ отъ имени Думы, какъ и раньше. Но нелѣпая дѣйствительность лишила насъ именно элементарной возможности вмѣстѣ сойтись, вмѣстѣ рѣшать, вмѣстѣ, наконецъ, — если бы то потребовалось — подставить грудь подъ направленный въ насъ штыкъ. Запертые полиціей въ помѣщеніи клуба два-три десятка депутатовъ, не имѣющихъ общаго плана, не знающихъ, что творится внѣ стѣнъ клуба, — а остальные депутаты, развозимые въ одиночку съ Потемкинской улицы по полицейскимъ участкамъ, — и это все? послѣдній заключительный аккордъ великой эпопеи? Никакого общаго дѣйствія и даже окрика? Такая картина смерти казалась нестерпимою.

Но несомнѣнно, и принятое рѣшеніе вызывало горестныя чувства. Поздно было думать, — мѣнять рѣшеніе уже было невозможно, если бы даже нашлось лучшее, — но инстинктъ глухо противился этому шагу, столь далекому отъ того, къ чему еще такъ недавно мы готовились.

Не успѣлъ я кончить чтеніе и перекинуться двумя-тремя словами, какъ явилась группа трудовиковъ, попросила дать ей прочесть проектъ и прочла его безъ всякихъ возраженій. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, деп. Бондаревъ, спросилъ: Ну, а гдѣ же?

— Въ Финляндіи.

— Отчего?

Ему объяснили причины, — онъ покачалъ головою, пробовалъ было возражать, но самъ вскорѣ убѣдился и призналъ, что дѣйствительно въ Петербургѣ «кромѣ драки ничего не выйдетъ».

— Въ которомъ часу ѣхать?

— Съ любымъ поѣздомъ, начиная съ двухъ часовъ. — Тамъ насъ встрѣтятъ.

Ушли, грустно, сердечно пожавъ намъ руки — вчерашніе наши противники.

Проектъ, исправленный, вскорѣ былъ готовъ, но мы не рѣшились продолжать засѣданіе въ томъ же мѣстѣ, и для второй читки перешли на другую квартиру, къ Мих. Ил. Петрункевичу. Шли небольшими группами. Милюковъ велъ свой велосипедъ, на которомъ ночью объѣзжалъ друзей. Улицы были почти пустынны; тяжелый, знойный воздухъ давилъ, точно камень. Мы придавали себѣ куражу шутками надъ милюковскимъ

велосипедомъ, напускали на себя Galgenhumor, а на душѣ скребли кошки. Какъ все это было далеко отъ того, что думалось еще такъ недавно.

На одномъ изъ поворотовъ, при скрещеніи Надеждинской или Знаменской съ однимъ изъ переулковъ, встрѣтилась намъ группа трудовиковъ, бредущихъ куда-то съ весьма унылымъ видомъ. Изъ всей группы выдѣлялся не только фигурой, но и особеннымъ горестнымъ выраженіемъ лица И. В. Жилкинъ. Потрясалъ намъ руки и повторялъ: «Ну, теперь ужъ мы за одно — ведите».

Эту фразу я имѣлъ уже случай привести въ исторіи конфликтовъ первой Думы; я сопроводилъ ее ремаркой: «Поздно . . .». За эту ремарку я лично и моя партія удостоились затѣмъ во время одной изъ избирательныхъ кампаній очень рѣзкихъ нападокъ со стороны выступавшаго на собраніяхъ соціалъ-демократическаго кандидата. «А, поздно, говорите вы. Значитъ, тогда, когда настала пора дѣйствовать и, когда вамъ протягивали руку, вы отказались ее принять».

Ахъ, милые друзья, не отказывались мы принять руку и пошли мы вѣдь вмѣстѣ; но идти то ужъ было некуда. Вотъ почему «поздно». А вчера, и позавчера, и недѣлю и мѣсяцъ тому на-

задъ, когда нужно было и можно было идти «за нами» или хоть вмѣстѣ съ нами, не хватило пониманія всей важности дружнаго напора на ближайшую возможную позицію. И не только въ нашемъ ощущеніи «поздно», но и въ самомъ предложеніи «Ведите насъ» было одно и то же элегическое настроеніе — горестное сожалѣніе о быломъ и сознаніе, что на сей разъ все кончено.

Проектъ манифеста (такъ мы его все еще называли) былъ вторично прочитанъ и исправленъ больше съ редакціонной стороны, чѣмъ по существу. Исправленіе по существу было затруднено не только спѣшностью и конспиративностью обсужденія, но и тѣмъ, что проектъ былъ уже предъявленъ трудовикамъ, и, слѣдовательно, всякое болѣе или менѣе значительное измѣненіе должно было бы быть оправдано и рисковало вызвать обычныя заподазриванія, вродѣ тѣхъ, которыми только недавно, два-три дня до того, громилъ насъ съ трибуны Думы, по поводу аграрнаго обращенія, никто иной, какъ тотъ же И. В. Жилкинъ. Такого оборота дѣла слѣдовало особенно избѣгать въ эту минуту. Лучше было ужъ исправлять потомъ, публично.

По установленіи редакціи проектъ былъ немедленно переписанъ въ нѣсколькихъ экземпля-

рахъ, которые должны были быть отвезены въ Финляндію разными лицами, а оригиналъ былъ тутъ же уничтоженъ. Такимъ образомъ, ни подлиннаго первоначальнаго текста не сохранилось, ни тѣхъ измѣненій, которыя были внесены тогда же, при первоначальномъ обсужденіи.

Съ отъѣздомъ изъ Петербурга рѣшено было торопиться, такъ какъ существовало опасеніе, что власти, узнавъ о нашемъ намѣреніи, воспрепятствуютъ нашему отъѣзду. Потому рекомендовалось ѣхать по возможности скорѣе, однако, не слишкомъ большими партіями. Съ часу или двухъ началось передвиженіе. Главная партія отправилась часа въ 4 и прибыла въ Выборгъ около 7 часовъ, но еще до поздней ночи и даже до слѣдующаго утра прибывали все новыя группы. Къ ѣдущимъ изъ Петербурга присоединились депутаты, жившіе на финляндскихъ дачахъ и не попавшіе въ этотъ день въ городъ.

Мнѣ пришлось еще заѣхать въ Левашово попрощаться съ семьею (всѣ мы шли на неизвѣстное будущее); я отправился потому часа въ 3 и затѣмъ соединился въ Левашовѣ съ партіею, уѣхавшею изъ Петербурга съ четырехчасовымъ поѣздомъ. Къ намъ подсѣла въ Теріокахъ значительная группа нашихъ депутатовъ, въ томъ числѣ

М. Я. Герценштейнъ съ женою, съ которыми мы доѣхали до Выборга въ одномъ купэ. Въ шутливомъ расположеніи духа, Герценштейнъ подтрунивалъ надъ нашимъ положеніемъ, пересыпая рѣчь остроумными еврейскими словечками. И тогда, и впослѣдствіи, во время нашихъ совѣщаній въ Теріокахъ, послѣ Выборга, онъ поражалъ меня своимъ спокойнымъ, незлобивымъ отношеніемъ къ происшедшему. Онъ очень мало вмѣшивался въ пренія, улыбка почти не сходила съ его устъ; по лѣтнему свѣтло одѣтый, онъ имѣлъ изъ всѣхъ насъ самый беззаботный, радушный видъ, какъ будто зналъ, что ужъ не ему придется разрѣшать занимавшія насъ головоломныя задачи . . . Только въ самый горячій моментъ споровъ при обсужденіи воззванія онъ какъ бы воспрянулъ, выпрямился во весь ростъ, ввязался въ бой, съ жаромъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, и затѣмъ . . . Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Выборгскія гостиницы не могли вмѣстить всѣхъ пріѣзжихъ. Въ теченіе часа, а то и больше, шла бѣготня по улицамъ, пѣшкомъ и на извозчикахъ, въ поискахъ квартиры. Помню, съ какою завистью смотрѣли мы, какъ на балкончикѣ гостиницы, противъ вокзала, уютно разсѣлись успѣвшіе пріѣхать раньше нашего Якушкинъ и еще

кто-то, — точно они явились сюда вкушать вечернюю прохладу послѣ трудовъ лѣтняго дня. Квартиру въ гостиницѣ найти таки не удалось. Спасъ меня нашъ Секретарь Городского Комитета, Зерновъ, предложившій третье мѣсто въ комнатѣ, которую онъ занялъ уже вмѣстѣ съ Мухановымъ; въ комнатѣ были всего двѣ кровати, но Зерновъ, по молодости лѣтъ, перекочевалъ на диванъ.

Сборнымъ пунктомъ назначена была гостиница Бельведеръ, расположенная у самой морской бухты. Внутренній видъ гостиницы и зала, въ которомъ мы должны были засѣдать, вся суточная атмосфера, царившая на лѣстницѣ и въ прилегавшихъ къ «залу» комнатахъ, характеръ публики, запрудившей всѣ проходы — все это производило отвратительное впечатлѣніе. Провинціальная гостиница второго разряда, узкая деревянная лѣстница, тѣсный корридорчикъ и всюду — на лѣстницѣ, въ корридорѣ толпится наѣхавшая изъ Петербурга какая-то странная публика: смѣсь университетской молодежи, корреспондентовъ газетъ и неизвѣстныхъ подозрительныхъ личностей въ гороховыхъ пальто. Нынѣ стало извѣстно, что въ числѣ послѣднихъ былъ самъ Азефъ. Все это наступало на ноги, шумѣло, не давало проходу, осаждало вопросами. Не

лучше было и въ двухъ сосѣднихъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ собирались депутаты и гдѣ неуспѣвшіе раньше пообѣдать подкрѣпляли свои силы. За этими двумя комнатами расположенъ былъ залъ,—большая комната въ 5 или 6 оконъ, составленная изъ двухъ меньшихъ, соединенныхъ аркою. Въ меньшей стоялъ все время весьма дисгармонировавшій съ нашимъ настроеніемъ рояль, уготованный, видимо, для болѣе радостныхъ событій. Остальная часть зала была вся уставлена, параллельно окнамъ, вѣнскими стульями, а у противоположной окнамъ стѣны, почти у самой арки, стоялъ простой столикъ — трибуна нашего Предсѣдателя.

Пока еще шли приготовленія къ открытію засѣданія, депутаты, не участвовавшіе въ утреннемъ совѣщаніи, пожелали ознакомиться съ текстомъ проекта, изготовленнаго нашимъ Комитетомъ. Мы вручили по экземпляру трудовикамъ и соціалъ-демократамъ; кадеты же собрались кучкою въ одной изъ переднихъ комнатъ, и здѣсь былъ мною вслухъ прочитанъ проектъ. Съ разныхъ сторонъ раздались оклики: «Слабо! надо рѣзче». Одинъ изъ депутатовъ-мусульманъ (если не ошибаюсь,— тотъ самый, котораго по странной случайности судъ

потомъ оправдалъ почему-то) возразилъ противъ первыхъ словъ манифеста, гласившихъ въ первоначальной редакціи: «Русскіе граждане!» Онъ указывалъ, что съ манифестомъ обращаются представители всѣхъ народностей ко всѣмъ народностямъ Россіи, и что слѣдовало потому редактировать обращеніе такъ: «Граждане всей Россіи». Предложеніе это было единогласно принято, и редакція эта сохранилась, какъ извѣстно, и въ окончательномъ текстѣ воззванія.

Шелъ уже десятый часъ — депутаты все еще собирались. Собралось всего въ этотъ вечеръ человѣкъ около 180, а съ тѣми, кто явился на слѣдующій день, оказалось свыше 200. Кадетовъ было около 120 человѣкъ, остальное составили трудовики и соціалъ-демократы. Нѣкоторые выдающіеся депутаты отсутствовали, потому что были командированы Думою на происходившій въ то время конгрессъ междупарламентскаго союза. Таковы: Родичевъ, Ковалевскій, Аладьинъ, Острогорскій, Свѣчинъ, Васильевъ. Трудовикъ Аникинъ былъ на какомъ-то другомъ конгрессѣ. Нѣкоторые депутаты, какъ: Котляревскій, кн. Урусовъ, Щепкинъ, Кузьминъ-Караваевъ, въ виду двухъ свободныхъ отъ общихъ собраній дней (суббота и

воскресенье), разъѣхались къ себѣ по домамъ. Часть изъ нихъ явилась въ Выборгъ на второй день, одни къ моменту подписанія воззванія, другіе —уже послѣ подписанія.

Вмѣстѣ съ депутатами пріѣхали въ Выборгъ и члены Центральныхъ Комитетовъ партій, но ни одинъ изъ нихъ ни разу не былъ допущенъ въ залъ во время засѣданія. Правило это соблюдалось очень строго. Охрану дверей отъ вторженія кого бы то ни было посторонняго взялъ на себя и съ истиннымъ самоотверженіемъ исполнялъ эту свою роль товарищъ нашъ З. Г. Френкель. Члены нашего Комитета участвовали въ нашихъ партійныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ промежуткахъ между общими засѣданіями; весьма вѣроятно, что бывшіе тогда въ Выборгѣ члены другихъ фракціонныхъ комитетовъ участвовали также въ частныхъ совѣщаніяхъ трудовиковъ и соціалъ-демокраовъ; но, какъ сказано, въ «думскихъ» засѣданіяхъ, ни Милюковъ, ни кто либо другой изъ недепутатовъ ни въ качествѣ участника, ни даже въ качествѣ зрителя не участвовалъ.

Засѣданіе открылось въ 10½ часовъ вечера; поздній часъ не смущалъ насъ — всѣ готовы были сидѣть безъ сна, сколько потребуется. Съ момента

открытія засѣданія все преобразилось. Исчезла и убогая, холодная обстановка, и мелкая суетливость, насъ обступавшая, и жуткое ощущеніе подневольной отторженности отъ родного угла — все исчезло. Въ собравшихся людяхъ разомъ проявилось нѣчто, что задвинуло куда-то въ даль всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Весь залъ былъ объятъ единымъ настроеніемъ, необычайно серьезнымъ, приподнятымъ, но нарочито сдерживаемымъ, — настроеніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни афектированной фразѣ, ни излишнему жесту, ни заносчивой угрозѣ. Надъ заломъ носилась боль сердечная и скорбная рѣшимость.

Вошелъ Муромцевъ, наружно спокойный и величественный, какъ всегда, въ черномъ сюртукѣ, какъ бывалъ въ Думѣ, но въ рукахъ шляпа и палка, руки въ черныхъ перчаткахъ, точно онъ среди насъ уже только гость на мгновеніе. Петрункевичъ предложилъ просить Муромцева предсѣдательствовать. Весь залъ поднялся и непрекращающеюся бурею аплодисментовъ, стоя, привѣтствовалъ появившагося у скромнаго столика Предсѣдателя Думы; точно объединяясь въ этомъ чувствѣ преклоненія, люди хотѣли еще крѣпче связать себя другъ съ другомъ и съ своимъ прошлымъ, убѣдить себя, что они еще едины.

Муромцевъ понялъ и это чувство и настроеніе момента, и взволнованный, какимъ никто его ранѣе не видалъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Господа, этотъ пріемъ доказываетъ, какъ крѣпко мы связались за то время, что мы вмѣстѣ прожили . . .». Тутъ онъ какъ будто еще хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и закончилъ: «Впрочемъ, довольно: слова излишни, — къ дѣлу!» И затѣмъ, подавивъ волненіе, повелъ засѣданіе со свойственною ему предсѣдательскою точностью и элегантностью. Фразы: «Засѣданіе Государственной Думы продолжается», по поводу которой столько было шума, онъ не произнесъ. Она и не вязалась бы съ обстановкой, была бы слишкомъ вычурно-торжественна для той сосредоточенной простоты, которая царила во всемъ.

Выбраны были затѣмъ (тоже par acclamation) товарищами Предсѣдателя и Секретаремъ думскіе Товарищи Предсѣдателя (кн. Долгоруковъ и Гредескулъ) и думскій Секретарь (кн. Шаховской).

Обсужденіе по существу Предсѣдатель предложилъ начать съ того, что каждая изъ представленныхъ въ собраніи партій укажетъ, что она считала бы нужнымъ предпринять. Порядокъ этотъ былъ единогласно одобренъ, и группы изложили свой взглядъ на предстоящую дѣятель-

ность. Партій было представлено три: кадеты, трудовики и соціалъ-демократы. Изъ крупныхъ думскихъ группъ, на участіе которыхъ можно было разсчитывать, отсутствовало только польское коло; оно появилось лишь на слѣдующій день, о чемъ будетъ рѣчь дальше. Октябристы и правые, составлявшіе въ общей сложности въ 1-й Думѣ не болѣе 40—50 человѣкъ, естественно, отсутствовали; небольшая партія демократическихъ реформъ, по скольку члены ея случайно не были въ отъѣздѣ, тоже были на лицо, но они не выступали отдѣльно, а сливались съ кадетами, участвуя въ совѣщаніи кадетской фракціи и подчиняясь ея рѣшеніямъ. Впрочемъ, стремленіе сблизиться, соединиться въ эту минуту съ кадетами было такъ велико, что, помню, одинъ изъ октябристовъ, нижегородскій депутатъ Остафьевъ, поѣхалъ съ нами, объявляя, что онъ болѣе не октябристъ, что переходитъ въ нашу вѣру, ибо въ эту минуту все ему стало ясно. Это было въ первый день; куда онъ дѣвался на второй день, не знаю, — подписи его подъ воззваніемъ нѣтъ.

Группы въ залѣ размѣстились почему-то обратно своему естеству: соціалъ-демократы на правой, кадеты — на лѣвой; трудовики заняли середину.

Каждой изъ группъ предложено было высказаться въ лицѣ одного или двухъ ораторовъ. Отъ имени соціалъ-демократовъ говорили двое, кадеты ограничились однимъ ораторомъ, только изъ трудовиковъ сочли нужнымъ выступить шестеро. То, что было сказано, нельзя было бы назвать «рѣчами». Трагизмъ момента представлялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую опасность: такъ близко было искушеніе разразиться «историческою» рѣчью, патетически заломить руки, испустить истерическій крикъ отчаянія. Ничего подобнаго не случилось. И въ первый вечеръ, и на слѣдующій день обсужденіе почти ни разу не сворачивало на этотъ путь. Ни «рѣчей», ни аплодисментовъ. Когда одинъ разъ сорвались хлопки, Френкель негодующе воскликнулъ, что проситъ не сотрясать напрасно воздухъ. И хлопки прекратились. Особенно въ первый вечеръ, когда настроеніе такъ явно было у всѣхъ едино, — чувствовалось, что всякій призывъ къ чувству, даже всякая мотивировка была бы излишня, почти что оскорбительна. И дѣйствительно, когда шестой по очереди трудовикъ взялъ высокую трагическую ноту, все собраніе зашевелилось и раздались возгласы: «Довольно, довольно».

Отъ имени соціалъ-демократовъ говорили Джапаридзе й признанный вождь ихъ въ первой Думѣ, Жорданія. Основную мысль фракціи развивалъ Жорданія. ~~Онъ указалъ на желательность обращенія къ народу, ого-норивъ, что партія его признаетъ другіе ме-воды дѣйствія, но такъ какъ другія партіи~~ Онъ указалъ на желательность обращенія къ народу, оговоривъ, что партія его признаетъ другіе методы дѣйствія, но такъ какъ другія партіи на нихъ не согласятся, а желательно дружное дѣйствіе, то онъ ограничивается этимъ предложеніемъ. По содержанію обращенія къ народу фракція его согласна съ тѣми двумя мѣрами, которыя предлагаются въ проектѣ кадетовъ, т. е. съ призывомъ къ неплатежу податей и къ уклоненію отъ воинской повинности. Все это было сказано просто, искренно, безъ эмфазы, безъ раздражающихъ партійныхъ вызововъ. Въ такомъ же тонѣ говорилъ отъ имени трудовиковъ Бондаревъ, не прибавивъ также ничего къ мѣрамъ, предложеннымъ кадетскимъ проектомъ. О чемъ говорили слѣдующіе трудовики и кто именно говорилъ, не припомню; а послѣдній, заговорившій о томъ, что они не пошли бы «дальше» (куда именно, не было сказано), но что, какъ они

знаютъ, кадеты дальше не пойдутъ, — былъ такъ недружелюбно встрѣченъ собраніемъ, что вскорѣ умолкъ. Въ рѣчахъ трудовиковъ были еще указанія на необходимость объявить себя не то временнымъ правительствомъ, не то учредительнымъ собраніемъ;; но указанія эти отвергались какъ ораторами изъ среди самихъ же трудовиковъ, такъ и — особенно энергично — соціалъ-демократами. Отъ имени кадетовъ поручено было говорить мнѣ, причемъ Комитетъ фракціи, посовѣщавшись передъ открытіемъ собранія, поручилъ мнѣ указать, что цѣлью нашего обсужденія является вопросъ о томъ, какія намъ вообще мѣры предпринять, но обращеніе къ населенію является первымъ и наиболѣе спѣшнымъ шагомъ, — спѣшнымъ потому, что народъ долженъ немедленно услышать голосъ своей Думы; по принятіи обращенія надо будетъ обсудить остальное. Самое содержаніе обращенія мы предложили дополнить заявленіемъ объ отказѣ отъ платежа долговъ по займамъ, имѣющимъ быть заключенными правительствомъ. Кромѣ того мы предложили обсудить, въ какой мѣрѣ была бы осуществима политическая забастовка.

Таковы были предложенія. Они должны были быть обсуждены каждою изъ группъ въ отдѣльности во фракціонныхъ засѣданіяхъ, затѣмъ каждая группа должна была избрать двухъ членовъ редакціонной комиссіи, давъ имъ императивный мандатъ сообразно ея рѣшенію.

Для такого фракціоннаго обсужденія и выбора редакціонной комиссіи объявленъ былъ перерывъ, приблизительно около 11½ час. вечера.

Собраніе разбилось на три части. Какъ вели свое обсужденіе трудовики и соціалъ-демократы, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что они окончили его сравнительно быстро, гораздо быстрѣе нашего. Намъ, какъ наиболѣе многочисленной группѣ, былъ предоставленъ для совѣщанія залъ; остальныя группы удалились. Въ залъ были впущены, для участія во фракціонномъ засѣданіи, согласно нашему партійному уставу, члены Ц. К., не состоявшіе депутатами: Милюковъ, Вл. Гессенъ, Струве, Тыркова, Изгоевъ. Такъ какъ Предсѣдатель нашего фракціоннаго Комитета, И. И. Петрункевичъ, не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ, то предсѣдательствовать пришлось мнѣ, какъ Товарищу Предсѣдателя фракціи.

Настроеніе во фракціи было естественно такое же приподнятое, какъ и въ засѣданіи Думы,

ибо фракція въ этотъ моментъ, пожалуй, больше чѣмъ когда либо давала тонъ Думѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь впервые всплыли тѣ различія во взглядахъ, которые дѣлили насъ затѣмъ все время вплоть до заключительнаго момента на двѣ почти равныя группы и — кто знаетъ — быть можетъ, дѣлятъ на такія же группы и теперь. Подробное изложеніе мотивовъ, которые приводились за и противъ воззванія, представляется теперь, пожалуй, излишнимъ. Вся позднѣйшая полемика по его поводу исчерпала эту тему до дна: критика воззванія опередила его исторію. Достаточно будетъ потому, не приводя детально преній, отмѣтить лишь, какой изъ мотивовъ въ нихъ главенствовалъ.

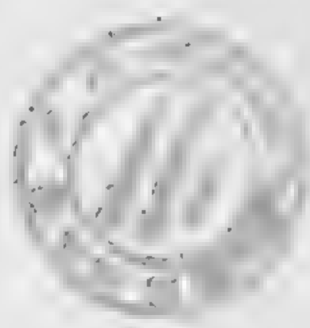
Самая мысль объ обращеніи къ народу не встрѣтила въ этотъ вечеръ никакихъ возраженій. По крайней мѣрѣ, въ памяти не осталось никакого слѣда отъ нихъ. Потому отъ вопроса о желательности быстро перешли къ критикѣ самаго проекта. По общему отзыву, первая часть представлялась вполнѣ пріемлемой, но казалась слишкомъ длинной и обстоятельной; слѣдовало ее значительно сократить и, если возможно, сдѣлать ярче. Не давать рекрутъ, не платить податей, не признавать займовъ — такова вторая

часть, согласно проекту и дополненію фракціонной коммиссіи; и всѣ эти три тезиса совмѣстно встрѣтили столь живой отпоръ въ средѣ фракціи, что положительное рѣшеніе по нимъ прошло лишь весьма незначительнымъ большинствомъ; если не ошибаюсь, меньшинство насчитывало слишкомъ 40 голосовъ. Слѣдуетъ тутъ же отмѣтить, что четвертое предложеніе, о политической забастовкѣ, было отвергнуто очень быстро и чуть ли не единогласно.

Центральный доводъ въ устахъ противниковъ воззванія сводился къ его непрактичности: рекрутскій наборъ будетъ только въ ноябрѣ, слѣдовательно, призывъ безцѣленъ; повинности же, т. е. прямые налоги, составляютъ столь незначительную часть государственнаго бюджета, что неуплата ихъ будетъ нечувствительна, да къ тому же отъ неуплаты прямыхъ налоговъ пострадаетъ земская дѣятельность. А главное, ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ народъ не приготовленъ. Наконецъ, угроза относительно платежей по займамъ можетъ оказаться пустою фразою, если иностранные капиталитсы съ ней считаться не будутъ. Я не припомню, чтобы было сдѣлано какое либо возраженіе съ точки зрѣнія недостаточности побужденій къ такого рода мѣрамъ. Ни у кого

рѣшительно не было иллюзіи на счетъ того, что роспускъ Думы есть покушеніе на самое народное представительство, и потому не возникало сомнѣній, что та крайняя степень организованнаго дѣйствія, которая мыслима безъ насильственныхъ мѣръ, теперь умѣстна. Этихъ вопросовъ почти никто не возбуждалъ; о «неконституціонности» воззванія — и то не вообще, а лишь въ данную минуту — говорили, помнится, одинъ Петражицкій. Не было также никѣмъ упомянуто ни слова о тѣхъ превратностяхъ судьбы, которыя могутъ ожидать авторовъ воззванія. И въ этомъ не было ничего искусственнаго, ни страннаго, уже по одному тому, что всѣ были и безъ того увѣрены, что со стороны власти будутъ предприняты противъ насъ укротительныя мѣры. Оставаясь такимъ образомъ, преимущественно въ предѣлахъ практической нецѣлесообразности, возраженія противъ воззванія были тѣмъ самымъ обречены на неудачу, ибо защитники воззванія вовсе и не доказывали его практичности и не предсказывали непосредственнаго его воздѣйствія. И они сомнѣвались, готовъ ли народъ; и они признавали, что въ данную минуту исполненіе воззванія можетъ практически не причинить большихъ затрудненій правительству. Но они

настаивали на томъ, что моментъ исключительный для того, чтобы указать народу, какъ слѣдуетъ отстаивать свои права. Актъ, изданный въ такую минуту, —актъ, которому обезпечено распространеніе въ милліонахъ экземпляровъ (о, какъ наивны были затѣмъ наши обвинители, предполагая, что мы сговаривались, какъ распространять выборгское воззваніе!) — такой актъ, твердили мы, будетъ лучшимъ завѣтомъ первой Думы на будущія времена и самымъ дѣйствительнымъ предостереженіемъ всякимъ правительствамъ, нынѣшнимъ, и будущимъ, на случай покушеній на права народа. Дамокловъ мечъ, еще не падая, былъ страшенъ. И, можетъ быть, не мѣшаетъ тутъ же добавить, что сторонники выборгскаго воззванія и нынѣ глубоко убѣждены, что только благодаря ему, то, что было задумано, какъ уничтоженіе народнаго представительства и облечено въ форму болѣе чѣмъ своеобразнаго роспуска Думы на 7 мѣсяцевъ, послѣ того, какъ она успѣла просуществовать лишь два съ половиною мѣсяца, — превратилось въ дѣйствительный роспускъ и, что только, благодаря воззванію, народное представительство было сохранено. Правительство опасалось народа и авторитета первой Думы больше, чѣмъ наши скептики въ Выборгѣ.

Пренія фракціи затянулись поздно. Трудовики и соц.-демократы нѣсколько разъ присылали спрашивать, скоро ли мы кончимъ. У нихъ дѣло пошло, очевидно, болѣе ускореннымъ темпомъ. Около часу ночи мы, наконецъ, управились съ вопросомъ. Пришлось затѣмъ выбрать еще двухъ членовъ Редакціонной Комиссіи. Par acclamation избраны были Кокошкинъ и я. Ясно было, что Редакціонная Комиссія ранѣе утра не закончитъ своего труда, и что потому вся готовность собравшихся просидѣть всю ночь окажется излишней. Къ тому же усталость брала свое. Въ часъ ночи былъ потому объявленъ перерывъ до 8 час. утра.

Только шести членамъ Редакціонной Комиссіи пришлось проявить свою неутомимость.

Какъ одинъ изъ членовъ Коммиссіи, я отправился къ трудовикамъ, чтобы ихъ пригласить къ общей работѣ. Со мною отправился и Кокошкинъ. Пришлось подняться во второй этажъ гостиницы, — трудовики и соціалъ-демократы тамъ имѣли свои квартиры. Въ корридорѣ и въ прилегающей къ нему комнатѣ на полу сидѣли группами крестьяне съ усталымъ, унылымъ видомъ, а кое кто, вытянувшись, уже и похрапывалъ. Комитетъ засѣдалъ въ крайней, угловой

комнатъ. Когда мы зашли въ комнату, за круглымъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ рубахахъ, безъ сюртуковъ, углубившись въ нашъ проектъ воззванія, другіе валялись на кроватяхъ.

Въ числѣ сидѣвшихъ за столомъ былъ и Вас. Вас. Водовозовъ, съ наклоненной надъ столомъ головой выводившій что-то на бумагѣ. Когда мы вошли, И. В. Жилкинъ, чтобы освободить стулъ, толкнулъ добродушно Водовозова: «Ну, Вася, будетъ тебѣ, убирайся!». И Вася, съ медленностью и угловатостью плохо слышащаго человѣка, оглянулся на вошедшихъ, всталъ, пошелъ къ окну и, курнувши на колѣни у окна, продолжалъ выводить на бумагѣ. Наша бесѣда здѣсь длилась недолго. Мы предложили Редакціонной Коммиссіи немедленно приступить къ работѣ. Отъ с.-д. въ члены Коммиссіи оказались избранными Жорданія и Джапаридзе, отъ трудовиковъ — Жилкинъ и Бондаревъ, и мы вшестеромъ спустились внизъ въ одну изъ примыкающихъ къ большой залѣ комнатъ, гдѣ и проработали всю ночь.

Обстановка для работы была изъ самыхъ непривлекательныхъ. Опустѣвшая ресторанная комната, со столиками по стѣнамъ и однимъ круглымъ столомъ въ серединѣ. На столахъ смя-

тыя скатерти, объѣдки, пустыя бутылки; въ комнатѣ дымъ; съ улицы врывается унылый свѣтъ бѣлой ночи и брезжащаго сѣвернаго утра, смѣшиваясь съ тусклымъ свѣтомъ свѣчъ. Ни стакана чая, чтобы освѣжить голову и просохшее горло, ни куска хлѣба, чтобы подкрѣпить падавшія силы. Старыя корки отъ сухихъ булокъ и двѣ-три бутылочки какой-то газовой воды — вотъ все, чѣмъ намъ взялся услужить заспанный корридорный, появившійся было вначалѣ на наши звонки, а затѣмъ и совсѣмъ безъ вѣсти пропавшій.

Мы расположились за стоявшимъ въ серединѣ комнаты круглымъ столомъ и приступили къ работѣ бодро. Дѣятельная роль выпала на долю мою, предсѣдательствовавшаго, и Кокошкина, исполнявшаго нѣчто въ роли докладчика: съ карандашомъ въ рукѣ сидѣлъ онъ по мою правую руку, читалъ и вносилъ въ проектъ принятыя измѣненія. Но и другіе члены Коммиссіи вначалѣ принимали живое участіе въ работѣ. Черезъ часъ-другой однако усталость, физическая и нравственная, отъ пережитыхъ волненій, вступали, видимо, въ свои права, и у всѣхъ тѣхъ, кто не былъ, какъ Кокошкинъ и я, внѣшнимъ образомъ связанъ съ работой, почувствовался упадокъ энергіи. Дольше и энергичнѣе шли съ нами

Джапаридзе и Жорданія; раньше всѣхъ отсталъ Жилкинъ и за нимъ Бондаревъ. Такъ шла работа въ теченіе приблизительно трехъ-четырехъ часовъ. Къ 4½ часамъ утра мы были готовы. Не имѣя сейчасъ подъ руками обоихъ текстовъ, не могу указать въ точности, въ чемъ выразилась наша работа; тексты эти я сохранилъ въ свое время, и если ихъ найду, постараюсь современемъ произвести это сличеніе. Сейчасъ же вспоминаю только кое что изъ начальныхъ моментовъ обсужденія.

По прочтеніи проекта первымъ, помнится, заговорилъ Жорданія, который, согласившись отъ имени своей фракціи со всѣми пунктами проекта, упомянулъ также и о политической забастовкѣ, но въ тонѣ, чрезвычайно сдержанномъ, не скрывая отъ себя и отъ насъ, что осуществимость ея представляется и ему сомнительною. Мы, согласно данному намъ наказу, возразили противъ забастовки, и она была отклонена.

Затѣмъ кто-то предложилъ Жилкину прочесть бумагу, которая у него была въ рукахъ и видимо имѣла какое-то отношеніе къ проекту. Онъ помялся, — сказалъ, что ея, пожалуй, и читать не стоитъ («это только начало»), но въ концѣ концовъ прочиталъ. Это былъ исписанный

крупнымъ почеркомъ на одной и на части второй страницы листъ бумаги, содержащій неоконченное вступленіе къ воззванію. Эта бумага была тутъ же безъ преній забракована, и рѣшено было приступить къ обсужденію милюковскаго проекта.

Я не безъ умысла нѣсколько подробнѣе, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало остановился и на инцидентѣ съ бумагою и на присутствіи Водовозова въ комнатѣ трудовиковъ. Недавно мнѣ довелось слышать въ одной литературной компаніи бесѣду на тему о томъ, кто собственно истинный авторъ выборгскаго воззванія. Одинъ изъ участниковъ бесѣды объявилъ съ особенною торжественностью, что авторъ воззванія никто иной, какъ В. В. Водовозовъ. И что особенно странно: открытіе это не было встрѣчено даже изумленіемъ со стороны присутствовавшихъ почтенныхъ литераторовъ, весьма близкихъ и къ политикѣ. Источникъ этихъ странныхъ слуховъ лежитъ, повидимому, въ отрывкѣ, прочитанномъ Жилкинымъ и составленномъ въ комнатѣ трудовиковъ Водовозовымъ.

Возникъ затѣмъ вопросъ о заглавіи документа — не объ обращеніи (о которомъ сказано выше), а о заглавіи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ редакцій остановились на редакціи пред-

ложенной Бондаревымъ: «Народу отъ народныхъ представителей», сохранившейся, какъ извѣстно, и въ окончательномъ текстѣ. Затѣмъ началось, наконецъ, чтеніе проекта. Никакихъ особенныхъ споровъ и преній по существу тутъ не было. Никакихъ новыхъ мыслей никто не предлагалъ; принципіальныхъ разногласій не обнаруживалось; если были споры (преимущественно, помнится, съ Джапаридзе), то по поводу степени рѣзкости того или иного выраженія; но споры эти улаживались быстро и мирно. Работа наша свелась въ результатѣ къ чисто-литературной передѣлкѣ. Передѣлка эта, правда, была не изъ легкихъ. Главный, всѣми отмѣчавшійся недостатокъ проекта была его длинота,—надо было сокращать. Но сокращать приходилось, не механически отрѣзывая части, — всѣ онѣ были связаны другъ съ другомъ, — а перерабатывая ихъ въ новой формѣ, освобождая преимущественно отъ чрезмѣрной мотивировки нашихъ воззрѣній на ходъ событій. Событія выдвигались потому часто ляпидарно, безъ внутренней связи съ другими. Воззваніе выиграло въ экспрессіи, но, конечно, потеряло въ округленности. И передѣлка эта, насколько помню, не удовлетворила главнымъ образомъ самаго редактора проекта:

— Торчатъ у васъ теперь эти «7мѣсяцевъ» совершенно оголенные—говорилъ онъ, прочитавъ на слѣдующее утро нашу редакцію—весь манифестъ исковеркали.

Такъ-то проходя проектъ фразу за фразой, сокращая и передѣлывая, мы добрели къ 4½ час. утра до конца. Но наша работа имѣла еще весьма сырой, незаконченный видъ: наброски отдѣльныхъ частей и фразъ остались еще окончательно неспаянными. Трудъ этотъ исполнить коллегіально было немыслимо. Необходимо было возложить его на одно лицо. Мы всѣ единодушно упросили Ѳ. Ѳ. Кокошкина взять этотъ трудъ на себя. Онъ чувствовалъ себя очень скверно, былъ простуженъ и переутомленъ, но не отказывался и, засѣвъ за боковой столикъ, принялся было даже за работу. Черезъ нѣсколько минутъ я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ совсѣмъ боленъ, — его знобило отъ простуды, лицо все горѣло; я упросилъ его отправиться домой и, съ благословенія товарищей, самъ засѣлъ за работу.

Всѣ разбрелись — я остался одинъ и сталъ связывать, шлифовать. Давно ли мы, въ такое же ночное время, въ большомъ боковомъ залѣ Таврическаго дворца отшлифовывали, передъ торже-

ственной минутой третьяго чтенія, отвѣтъ первой Думы на тронную рѣчь . . .

Три часа заняла эта, на видъ мелкая, но крайне тягостная работа. Къ 7½ час. утра окончательная редакція была готова; я отнесъ ее наверхъ къ трудовикамъ, чтобы просить наскоро переписать ее въ нѣсколько рукъ къ открытію засѣданія. Наверху, въ корридорѣ и комнатахъ, спали люди въ повалку крѣпкимъ сномъ; я то и дѣло спотыкался о груды депутатскихъ тѣлъ; храпъ стоялъ исполинскій. Въ угловой комнатѣ, на кроватяхъ, лежало человѣка по 2, по 3. Еле добудился кого-то, всучилъ ему бумагу и отправился къ себѣ на «ночлегъ». Ночлегъ былъ очень непродолжительный: къ 9 часамъ пришлось быть уже опять въ Бельведерѣ. Экземпляры нашей редакціи уже ходили по рукамъ, депутаты собирались и оживленно обсуждали ее въ кружкахъ. Общее отношеніе къ ней было одобрительное. Задача, съ точки зрѣнія редакціонной, повидимому, выполнена была нами удовлетворительно. Оставалось неудовольствіе и раздвоеніе все по поводу тѣхъ же основныхъ вопросовъ.

Наши товарищи по фракціи собрались для обсужденія редакціи въ той части зала, гдѣ

стоялъ рояль—очистить весь залъ для нашего засѣданія не было возможности — мы и отбывали теперь всѣ совѣщанія свои въ этой части зала; это была максимальная степень изолированности, которой мы могли добиться. Фракція далеко еще не была въ полномъ своемъ «выборгскомъ» составѣ: устали отъ вчерашняго дня, поздно легли и туго собирались. Было насъ, если не ошибаюсь, человѣкъ около 60. Утóмленный, я упросилъ В. Д. Набокова (тоже Товарища Предсѣдателя Комитета фракціи) предсѣдательствовать. Сидя на стулѣ, окруженный депутатами, онъ велъ это, оказавшееся чрезвычайно труднымъ, импровизированное засѣданіе. Время со вчерашняго вечерняго засѣданія не прошло безслѣдно: разногласія углубились, споры стали болѣе страстными. Отъ обсужденія редакціи скоро перешли къ обсужденію все тѣхъ же проклятыхъ вопросовъ по существу. Тутъ-то въ числѣ рѣзко выступившихъ противъ воззванія выдѣлился покойный Герценштейнъ. Потребовали, наконецъ, голосованія по существу. Предсѣдатель послѣ нѣкотораго колебанія уступилъ, и результатъ голосованія получился такой, что большинствомъ одного или двухъ голосовъ вторая часть воззванія была отвергнута. Поднялись протесты съ указаніемъ, что

вопросъ, вчера рѣшенный въ полномъ составѣ фракціи, не можетъ быть перерѣшенъ сегодня въ такомъ малочисленномъ собраніи; требовали пересмотра вопроса въ слѣдующемъ перерывѣ. Не знаю, во вниманіе ли къ этимъ протестамъ, или потому что раздался звонокъ Предсѣдателя, а вопросъ не считался даже большинствомъ окончательно выясненнымъ, — но отложили весь вопросъ до слѣдующаго перерыва, съ тѣмъ, чтобы до перерыва обсуждалась въ общемъ собраніи только первая часть, не возбуждавшая принципіальныхъ возраженій.

Муромцевъ занялъ предсѣдательское мѣсто и такъ же величественно, какъ нѣкогда съ трибуны Думы, объявилъ, что приступаемъ къ первому чтенію доклада Коммиссіи.

— Слово принадлежитъ докладчику.

Такъ какъ окончательная редакція принадлежала мнѣ, то Кокошкинъ, который собственно являлся естественнымъ докладчикомъ, а за нимъ и другіе члены Коммиссіи, просили меня замѣнить его. Мой «докладъ», насколько помню, былъ болѣе чѣмъ кратокъ; въ преніяхъ я старался также не пользоваться правами докладчика, ибо въ сущности воззваніе было не трудомъ Коммиссіи, а лишь передѣлкой. Объясненія я считалъ

себя вправѣ давать преимущественно по редакціоннымъ вопросамъ.

«Первое чтеніе» представило собою центральную баталію въ пленумѣ по главнымъ спорнымъ вопросамъ. Незаконченность утренняго обсужденія во фракціи, поколебавшееся представленіе о томъ, что́ есть мнѣніе большинства, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что представители фракціи, вопреки нашимъ думскимъ традиціямъ, выступали на собраніи, не какъ члены партіи, привыкшей къ дисциплинѣ, а каждый за себя. Борьба и шла собственно не между партіями въ Думѣ, а между двумя составными частями одной и той же партіи. Борьба велась страстно, съ большимъ упортсвомъ съ обѣихъ сторонъ. И на этотъ разъ не произносились «рѣчи» въ истинномъ смыслѣ слова, не раздавалось знаковъ одобренія. Все это были краткія реплики, не требовавшія и предоставленныхъ ораторамъ 5 минутъ временни, но возбужденіе въ нихъ сказывалось очень сильное, и заинтересованность въ исходѣ спора обнаруживалась необычайная. Одинъ изъ весьма почтенныхъ и обычно весьма хладнокровныхъ депутатовъ дошелъ до того, что, предполагая въ Муромцевѣ противника воззванія, пожелалъ положить на вѣсы и его авторитетъ и предложилъ собранію обратиться къ

Председателю съ вопросомъ: согласенъ ли онъ съ воззваніемъ, или нѣтъ:

— Ибо воззваніе съ подписью Председателя одно дѣло, а воззваніе безъ подписи Предсѣдателя другое дѣло.

Муромцевъ стоялъ спокойный, видимо безстрастный и, казалось, собирался уже отвѣтить, какъ вдругъ поднялся быстро И. И. Петрункевичъ и, подъ громъ аплодисментовъ, заявилъ, что считаетъ такой пріемъ вовлеченія въ игру Предсѣдателя неудобнымъ и потому проситъ Предсѣдателя не отвѣчать на поставленный ему вопросъ.

Инцидентъ этимъ былъ исчерпанъ. Но волненіе не улеглось. Особенную горячность проявляли, если меня не обманывало впечатлѣніе, противники воззванія. Говорившіе за воззваніе И. И. Петрункевичъ, Гредескулъ, кн. Долгоруковъ, Кокошкинъ, Френкель, не переходили за обычно имъ свойственный предѣлъ пылкости. Но въ числѣ противниковъ воззванія такіе обычно спокойные и уравновѣшенные люди, какъ Петражицкій, Герценштейнъ, Іоллосъ, поражали силою своего возбужденія и энергіей въ защитѣ своихъ мнѣній.

Первое чтеніе окончено и большинствомъ всѣхъ противъ одного голоса, при 6 воздержавшихся, принятъ переходъ къ постатейному чтенію.

Муромцевъ, какъ нѣкогда при обсужденіи отвѣтнаго адреса, расчленяетъ затѣмъ связное изложеніе на отдѣльныя «статьи», къ статьямъ вносятся поправки и голосуются. Во время этого обсужденія вдругъ въ залѣ происходитъ замѣшательство,—появились новыя лица. То пріѣхало отсутствовавщее до сихъ поръ польское коло. Мы всѣ ихъ встрѣтили радостнымъ гуломъ, какъ привѣтствуютъ въ тяжелыя минуты вновь обрѣтеннаго друга. Если мнѣ память не измѣняетъ, кто-то далъ даже выраженіе нашей радости предложеніемъ привѣтствовать нашихъ товарищей. Но вотъ изъ среды ихъ выступаетъ старѣйшій польскій депутатъ, Парчевскій, вынимаетъ какую-то бумагу и, весь блѣдный, читаетъ неровнымъ, взволнованнымъ голосомъ. Первыя слова звучатъ привѣтствіемъ — и лица всѣхъ присутствующихъ отвѣчаютъ благодарностью; но затѣмъ идутъ оговорки, оговорки и, наконецъ, рѣшительное заявленіе, что польское коло въ нашихъ дѣйствіяхъ участвовать не будетъ. Холодомъ повѣяло въ залѣ, по лицамъ пробѣжала горькая улыбка не то разочарованія, не то пре-

небреженія. Парчевскій сѣлъ, и кругомъ него остались сидѣть всѣ члены коло.

— Для чего же пріѣзжали?—слышу голосъ рядомъ со мною.

— По какому праву остаются?

— Ушли бы! — раздается возгласъ громче изъ середины зала.

Но намъ было не до этихъ мелкихъ счетовъ. Мы постарались заглушить возгласы и спокойно перешли къ нашимъ очереднымъ дѣламъ, продолжая обсужденіе проекта.

Около часу дня объявленъ былъ перерывъ. Приблизительно въ это время въ залѣ появились три новыя фигуры: гр. Гейденъ, М. А. Стаховичъ и Н. Н. Львовъ. Пріѣхали ли они для участія въ совѣщаніи, или въ качествѣ зрителей, сказать трудно. Стали какъ-то къ сторонкѣ, точно желаютъ только послушать, да поглядѣть; — между тѣмъ въ рѣшительную минуту, когда голосовалось и единодушно привѣтствовалось воззваніе, изъ ихъ среды поднималась противъ воззванія одинокая рука графа Гейдена, и раздавался его голосъ: «нѣтъ, не надо!»

Во время этого-то перерыва и произошло рѣшительное для всего дальнѣйшаго хода со-

бытій совѣщаніе нашей фракціи. Все въ томъ же углу залы, около рояля, столпились депутаты, — всѣ стоя, кто былъ подальше, становился и на стулья*). Мнѣ, предсѣдательствовавшему, прижатому къ роялю, еле удавалось выдерживать напоръ надвигающейся массы. Несмотря на эту крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку обсужденіе шло дѣльно и быстро: серьезность минуты какъ будто стихійно сдерживала внѣшнее проявленіе разлада, который, какъ оказалось въ скоромъ будущемъ, способенъ былъ и совсѣмъ исчезнуть подъ давленіемъ общаго несчастія.

Намъ пришлось поставить въ первую голову вопросъ объ обязательности рѣшенія большинства для меньшинства. Вопросъ этотъ долженъ былъ, казалось бы, имѣть особое значеніе для противниковъ возраженія. Ибо если бы даже большинство нашей фракціи оказалось на ихъ сторонѣ, но меньшинство голосовало бы въ общемъ собраніи по своему, воззваніе все равно прошло бы голосами лѣвыхъ группъ совмѣстно съ меньшинствомъ кадетовъ. И только при компактномъ голосованіи

*) На стулѣ оказалась, между прочимъ, А. В. Тыркова. Вотъ почему Стаховичъ, давая впослѣдствіи показанія у судебнаго слѣдователя, особенно язвительно подчеркивалъ, что въ Выборгѣ при обсужденіи воззванія говорили какія-то «женщины, стоя на стульяхъ».

кадетовъ противъ воззванія, оно могло провалиться. Для сторонниковъ же, по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, подчиненіе большинству могло оказаться практически только гибельнымъ; ибо при свободѣ голосованія принятіе воззванія было обезпечено. Тѣмъ не менѣе оказалось на дѣлѣ, что именно сторонники воззванія больше всего настаивали на подчиненіи меньшинства большинству. И настаивали потому, что рѣчь шла объ актѣ, имѣющемъ исходить отъ Думы; и если окажется, что даже та часть Думы, которая собралась въ Выборгѣ, не вся подписала, то сила акта этимъ въ корнѣ была бы подорвана. Лучше уже отвергнуть, чѣмъ такъ принимать. И это послѣднее мнѣніе, особенно горячо поддержанное, помнится, Милюковымъ, побѣдило. Наступилъ чередъ вопросу по существу. Мнѣнія уже такъ рѣзко опредѣлились при предыдущихъ сужденіяхъ и въ только что прерванномъ общемъ собраніи, что новаго сказать ужъ было почти нечего. Оставалось только окончательно провѣрить численное соотношеніе мнѣній. И дѣйствительно послѣ двухъ-трехъ краткихъ рѣчей приступлено было къ голосованію, и значительное большинство фракціи оказалось на сторонѣ воззванія. Въ эту минуту участь воззванія была рѣшена.

Какъ извѣстно, обсужденіе воззванія было вскорѣ насильственнымъ образомъ прервано, и многіе склонны объяснять принятіе воззванія именно вмѣшательствомъ этой внѣшней силы. Изъ изложеннаго ясно, насколько это мнѣніе ошибочно.

Приблизительно въ 2 часа раздался звонокъ, объявляющій объ окончаніи перерыва; но въ эту самую минуту Муромцева вызвали изъ залы. Перерывъ былъ продленъ; залъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Предсѣдателя. Скоро стало извѣстно, что выборгскій губернаторъ получилъ изъ Петербурга приказъ распустить наше собраніе; не желая примѣнять силы, ни производить демонстрацію, стѣсняясь вмѣстѣ съ тѣмъ вызывать къ себѣ вчерашняго Предсѣдателя Думы, онъ пріѣхалъ самъ къ Муромцеву и бесѣдуетъ съ нимъ внизу, у крыльца гостиницы. Узнали мы тутъ, къ великому изумленію многихъ изъ насъ, что Выборгъ, какъ крѣпость, подчиненъ непосредственно русскимъ властямъ, и приказъ изъ Петербурга, противорѣчащій финляндскимъ законамъ и недѣйствительный на всей остальной территоріи Финляндіи, здѣсь имѣетъ силу и можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Короче говоря: изъ всей финляндской территоріи мы

избрали пунктъ наименѣе безопасный. Любая деревушка подъ Выборгомъ, первая желѣзнодорожная станція по ту сторону Бѣлоострова предоставляла намъ больше гарантій неприкосновенности, чѣмъ тотъ единственный пунктъ, который мы выбрали.

Черезъ четверть часа явился Муромцевъ; весь блѣдный, сильно взволнованный, онъ подошелъ къ столу и, держа шляпу въ рукѣ, объявилъ, что имѣлъ бесѣду съ губернаторомъ, который ему особенно подчеркнулъ неизбѣжность гибельныхъ послѣдствій для пріютившей насъ Финляндіи, если наше собраніе немедленно не разойдется. Вслѣдствіе этого онъ счелъ долгомъ дать слово за себя, что собранія продолжать не будетъ, и полагаетъ, что долгъ всѣхъ насъ по отношенію къ Финляндіи — уѣхать изъ Выборга.

Раздались возгласы неудовольствія, изумленія, крики: Останьтесь! останьтесь! Но Муромцевъ категорическимъ жестомъ отвѣтилъ: «нѣтъ», — сказалъ, что это уже вопросъ его чести, онъ остаться не можетъ, поклонился и немедленно вышелъ.

Въ залѣ воцарилось неописуемое волненіе. Громкіе возгласы, движеніе стульевъ, люди вскакиваютъ съ мѣстъ, наступаютъ другъ на друга,

перекрикиваютъ другъ друга. Растерянность полная: всѣ, видимо, чувствовали, что оставаться въ Выборгѣ нельзя, но никто не зналъ, что дѣлать. Такъ прошло минуты двѣ. Кто-то крикнулъ наконецъ:

— Пусть Иванъ Ильичъ предсѣдательствуетъ.

И по всей залѣ пошелъ крикъ: Иванъ Ильичъ, Иванъ Ильичъ!

Но И. И. Петрункевичъ крикнулъ въ отвѣтъ: Князь Долгоруковъ, нашъ Товарищъ Предсѣдателя.

— Долгоруковъ! Долгоруковъ!

Долгоруковъ немедленно сталъ на мѣсто Предсѣдателя. Стоя, весьма энергично потряхивая звонкомъ, умоляетъ успокоиться и водворяетъ, наконецъ, равновѣсіе въ собраніи. Слово было предоставлено мнѣ первому. Я указалъ, что оставаться здѣсь, повидимому, немыслимо. Между тѣмъ намъ необходимо не только обсудить до конца воззваніе, но выяснить и другіе вопросы, связанные съ новымъ положеніемъ вещей. Воззваніе очень спѣшно — его необходимо возможно скорѣе отправить въ Петербургъ. Надо потому уѣхать въ ближайшую къ Выборгу деревню, закончить тамъ сегодня обсужденіе воззванія и отправить его сегодня же въ Петербургъ.

Для рѣшенія же остальныхъ вопросовъ отправиться хотя бы въ Гельсингфорсъ.

Но собраніе было слишкомъ возбуждено всѣмъ происшедшимъ, и когда И. И. Петрункевичъ со свойственнымъ ему душевнымъ подъемомъ воскликнулъ: «Господа, бросимъ обсуждать дольше. Вопросъ ясенъ; и не въ редакціи дѣло. Не разойдемся же отсюда, не совершивъ этого акта. Подпишемъ воззваніе, какъ оно есть!»,—раздался громъ рукоплесканій, и всѣми присутствующими овладѣлъ энтузіазмъ, ни съ чѣмъ не сравненный.

Первый Герценштейнъ воскликнулъ:

«Я былъ противникомъ воззванія, но всецѣло присоединяюсь къ этому призыву. Я подпишу воззваніе».

Петражицкій вскочилъ на стулъ и объявилъ, при общихъ кликахъ одобренія, что, хотя онъ тоже противникъ и знаетъ, что за этотъ шагъ онъ рискуетъ своей государственной службой, онъ воззваніе подпишетъ.

— И я подписываю, раздался голосъ Іоллоса.

— И я. И я.

— Голосовать. Голосовать.

— Голосую предложеніе: принять всю вторую часть воззванія, какъ она доложена, безъ

дальнѣйшихъ преній. Согласныхъ прошу поднять руки.

Принято единогласно.

Восторженныя, радостныя лица, радостные возгласы, рукопожатія; нигдѣ недовольства, нигдѣ сомнѣнія. Просвѣтлѣло на душѣ. Плодъ мукъ и тяжкаго раздумья созрѣлъ. Первая Дума не разсѣялась безслѣдно, — она еще разъ спаялась во едино, она оставитъ народу посмертный завѣтъ борьбы за попранныя права . . .

Тѣмъ временемъ возникъ и планъ обсужденія остальныхъ вопросовъ. Предложено было не разъѣзжаться изъ Выборга, но съ тѣмъ, чтобы собиралась не Дума въ цѣломъ, а собрались бы на совѣщаніе члены Комитетовъ всѣхъ трехъ представленныхъ въ Думѣ группъ. Рѣшенія, которыя Комитеты примутъ, будутъ затѣмъ сообщены остающимся въ Выборгѣ депутатамъ. Эта идея была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, засѣданіе Комитетовъ было назначено въ тотъ же день вечеромъ въ гостинницѣ Societetshuset, и Долгоруковъ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Оставалось исполнить самый актъ подписанія. Въ нижнемъ этажѣ гостинницы, въ маленькой комнатѣ, оказался, не знаю кѣмъ предварительно заготовленный, переписчикъ, — я туда

снесъ свой черновикъ и съ него диктовалъ переписчику текстъ. Писать пришлось разгонисто, — съ разсчетомъ, чтобы конецъ воззванія не былъ законченъ на 2-й страницѣ листа, а перешелъ бы на новый вкладной листъ, на которомъ предполагалось собрать подписи. Часть подписей была впрочемъ, собрана уже въ то время, когда внизу воззваніе еще переписывалось. Депутаты выстроились въ длинную цѣпь и одинъ за другимъ подходили къ столику по ту сторону арки, у котораго стоялъ секретарь собранія, кн. Шаховской, отбирая на нѣсколькихъ листахъ подписи. Когда былъ принесенъ подлинникъ, подписи собирались подъ нимъ; затѣмъ подлинникъ съ частью подписей былъ отправленъ къ отсутствующему Муромцеву въ гостиницу и черезъ короткое время вернулся съ его подписью.

Текстъ вмѣстѣ съ подписями заняли всего 8 страницъ, — половину четырехъ вложенныхъ другъ въ друга и впослѣдствіи сшитыхъ листовъ. Таковъ внѣшній видъ подлинника воззванія.

Текстъ былъ затѣмъ отпечатанъ кѣмъ то на машинкѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Копіи эти хватали изъ рукъ, кто для газетъ, кто для типографіи. Многочисленные корреспонденты, состязаясь другъ съ другомъ въ про-

ворствѣ, и сами переписывали копіи тутъ же и мчались съ ними на телеграфъ. Кто снесъ экземпляры въ типографію, не знаю. Все это дѣлалось какъ-то само собою. Интересъ къ намъ и къ тому, что мы дѣлали, былъ такъ великъ, что и въ голову не приходило заботиться о пріисканіи типографіи, объ отсылкѣ въ Петербургъ. Какіе-то молодые люди — не то представители типографій, не то члены партійныхъ организацій — являлись, просили дать имъ экземпляры, переписывали, затѣмъ исчезали, а къ вечеру не только были принесены намъ уже готовые отпечатанные экземпляры, но оказалось, что отосланы уже экземпляры для отпечатанія и въ типографіи другихъ городовъ Финляндіи и въ Петербургъ. Какъ былъ сообщенъ всѣмъ этимъ лицамъ списокъ подписей, не знаю, но въ разныхъ печатныхъ экземплярахъ оказались отличія въ числѣ подписей. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему впослѣдствіи изъ числа 220 (примѣрно) подписавшихъ воззваніе и присоединившихся къ нему привлечены были къ уголовной отвѣтственности только 170, въ томъ числѣ болѣе 10 человѣкъ, подписей которыхъ нѣтъ подъ подлиннымъ воззваніемъ. Прокуратура, повидимому, нашла печатный экземпляръ съ такимъ

количествомъ подписей, и хотя впослѣдствіи несомнѣнно освѣдомлялась изъ другихъ экземпляровъ о неточности перваго, пожелала закрыть на это глаза, очевидно, для того, чтобы хоть немного умалить импозантность цифры подписавшихся.

Подлинный экземпляръ воззванія съ момента его подписанія былъ упрятанъ. Никому изъ участниковъ собранія не было сообщено, гдѣ онъ будетъ сохраняться, и никто не проявилъ въ этомъ отношеніи чрезмѣрнаго любопытства. По слухамъ, онъ хранится все время внѣ предѣловъ Россіи, и мѣсто его храненія извѣстно одному или двумъ лицамъ. Ни факсимиле, ни фотографіи съ него не было снято. Этимъ объясняется, почему слѣдственнымъ властямъ, привлекшимъ насъ затѣмъ къ суду, не удалось добыть ни оригинала, ни фотографическаго снимка воззванія.

Около 4 часовъ дня всѣ депутаты по одиночкѣ высыпали на улицу. День былъ ясный, теплый, съ моря дулъ легкій, свѣжій вѣтерокъ. И на душѣ было легко. Одинъ только человѣкъ бродилъ среди насъ мрачный, съ насупленными бровями. Нервно пощипывая бородку, онъ подходилъ то къ одному, то къ другому и съ ужасомъ спрашивалъ, какъ это мы, умные люди, допустили

до такого шага. Самъ онъ не былъ въ собранiи, — спокойно уѣхалъ изъ Думы въ пятницу въ Москву и, услышавъ о роспускѣ, поспѣшилъ назадъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Выборгъ. Здѣсь онъ нагналъ своихъ товарищей уже на улицѣ, послѣ подписанiя воззванiя, къ основной идеѣ котораго онъ относился не только съ несочувствiемъ, но съ ненавистью. Мы шли всѣ въ городской садъ обѣдать, и онъ шелъ все время съ нами, все время донимая насъ упреками; съ тѣмъ же выраженiемъ скорби обходилъ насъ и за ресторанными столиками, все укоряя, все укоряя, и наконецъ . . . не выдержалъ и отправился подписывать воззванiе. Я говорю о С. А. Котляревскомъ, одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей первой Думы и самыхъ ярыхъ противниковъ воззванiя. Черезъ полтора года на скамьѣ подсудимыхъ, вмѣстѣ съ нами сидѣлъ Котляревскiй, обвиняемый въ томъ, что въ собранiи въ Выборгѣ обсуждалъ вмѣстѣ съ нами способы распространенiя выборгскаго воззванiя. Да не одинъ онъ былъ такой. Такъ же, какъ и онъ, прiѣхали уже послѣ подписанiя воззванiя, и кн. Урусовъ, и Щепкинъ, и они также были затѣмъ признаны виновными въ томъ, что вошли въ соглашенiе съ нами о способахъ распространенiя воззванiя. Были, впрочемъ, случаи, еще

болѣе курьезные: въ томъ же преступленіи обвинены были люди, совершенно отсутствовавшіе въ Выборгѣ; одинъ изъ нихъ (покойный уже нынѣ Миклашевскій) подвергался въ этотъ самый день въ Петербургѣ тяжелой операціи руки и ни обсуждать, ни подписывать ничего не могъ и тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ. За то мы имѣли въ числѣ дѣйствительно участвовавшихъ въ обсужденіи воззванія такого депутата, который не принялъ участія ни въ одномъ засѣданіи Думы, и всѣ свои депутатскія функціи исполнилъ только въ Выборгѣ, обсуждая воззваніе и подписывая его. Я имѣю въ виду депутата одной изъ дальнихъ областей, Букейханова, прибывшаго въ Думу только 9 іюля и попавшаго, вмѣсто Таврическаго дворца, прямо въ Выборгскій Бельведеръ.

Сколько всѣхъ подписей имѣется на подлинномъ экземплярѣ воззванія, сказать трудно; но подписавшихъ и присоединившихся было въ первый же день, на сколько помнится, 200, если не больше. Затѣмъ присоединялись подписи и на слѣдующій день въ Выборгѣ и даже въ Петербургѣ. Подписи эти собирались, однако, не на подлинномъ экземплярѣ, а другими способами; между прочимъ,

въ первый же день (10 іюля) нѣкоторые присоединявшіеся подписывались на принесенныхъ изъ типографіи первыхъ печатныхъ оттискахъ воззванія. Оригиналъ воззванія является, такимъ образомъ, въ смыслѣ полноты подписей, недостаточнымъ и едва ли есть даже возможность теперь установить точный списокъ лицъ, подписавшихъ воззваніе.

Въ 5 или 6 часовъ вечера собрались всѣ партійные Комитеты для обсужденія остальныхъ мѣръ, какія могли еще быть предприняты нами въ виду вновь создавшагося положенія. Самая постановка этого вопроса кажется теперь странною. Да и тогда она имѣла весьма отвлеченный характеръ. Ни въ комъ не видно было живой надежды,—истинной, живой, непосредственной вѣры въ близость побѣды. Однако всѣ чувствовали необходимость вслухъ объясниться. Нѣтъ, нѣтъ, да со дна души все же поднимались неясныя чаянія, не подавляемыя, а иногда и взращиваемыя безсознательнымъ предположеніемъ, что имѣются для нихъ какія-то основанія, быть можетъ, намъ только невѣдомыя. Сквозь туманъ этихъ неопредѣленныхъ чаяній яснѣе выступало только одно инстинктивное стремленіе: сохранить какъ можно дольше Думу въ

цѣломъ. Страшно было расплескать этотъ драгоцѣнный сосудъ. Собранная во едино Дума — такъ мнилось многимъ — можетъ остаться средоточіемъ народныхъ надеждъ. Вѣдь ее разгоняли именно за то, что было ближе всего народу—, за требованіе земли. Оставаясь единою, въ сборъ, она можетъ еще, по требованію этого народа, воскреснуть для исполненія только что начатаго, незаконченнаго дѣла. Въ этомъ направленіи шли мысли тѣхъ, кто не склоненъ былъ сразу сдаваться; въ этомъ направленіи шли и дебаты въ соединенномъ засѣданіи Комитетовъ. Въ засѣданіи этомъ участвовали не одни члены Думы; изъ партіи к.-д. было нѣсколько членовъ Ц. К., входившихъ по нашему уставу въ составъ фракціоннаго комитета. Соц.-демократы просили допустить члена ихъ Ц. К., Мартынова; трудовики, въ составъ которыхъ входили частью и с-ры, просили разрѣшенія допустить Натансона и Виктора Чернова. Предсѣдательствовалъ въ собраніи одинъ изъ нашихъ.

Засѣданіе затянулось почти за полночь. Интересъ его обусловливался именно присутствіемъ въ его составѣ представителей нашихъ лѣвыхъ группъ, не изъ депутатовъ. Мы встрѣтились здѣсь съ тѣми, кто въ значительной мѣрѣ вдохновлялъ, невидимые для насъ, шаги нашихъ

болѣе лѣвыхъ товарищей по 1-й Думѣ. Эта встрѣча носила весьма своеобразный характеръ. Идея бойкота, усвоенная партіями с.-д. и с.-р. при выборахъ въ первую Думу, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что соціалъ-демократія была представлена въ Думѣ очень слабо и имѣла представителей почти исключительно съ Кавказа, гдѣ бойкотъ на дѣлѣ не примѣнялся; а с-ры, какъ партія, вовсе не были представлены. Только безформенная, въ сущности безпартійная, масса трудовиковъ включала въ свой составъ нѣкоторыхъ с-ровъ; вслѣдствіе этого вожди с-ровъ оказывали по временамъ, какъ извѣстно, значительное вліяніе на тактику всей группы думскихъ трудовиковъ. Идея бойкота потерпѣла полное фіаско. Дума собралась и съ каждымъ днемъ завоевывала все больше симпатій среди населенія. Но партіи бойкота, желая быть послѣдовательными, должны были дискредитировать собравшуюся, вопреки ихъ агитаціи и безъ ихъ участія, Думу. Дума была объявлена кадетскою, слабою, податливою, чуть ли не измѣнническою; большинство ея обвинялось въ стремленіи къ захвату власти, и всѣ усилія были направлены на то, чтобы дискредитировать, уничтожить это ненавистное кадетское большинтсво. Эта тактика самымъ зло-

счастнымъ образомъ проводилась въ Думѣ черезъ неспаянную никакими партійными программами, лишенную всякихъ политическихъ традицій массу трудовиковъ,—и нельзя отрицать, что она въ нѣкоторой мѣрѣ увѣнчалась временнымъ успѣхомъ.

Но вотъ Дума распущена, и лицомъ къ лицу сошлись представители дискредитируемаго большинства и руководители тѣхъ партій, которыя поставили себѣ задачей топтать въ грязь первую Думу и ея вдохновителей.

Но, Боже мой, какая перемѣна! Несвѣдущій человѣкъ, зайдя въ эту комнату, могъ бы предполагать, что вотъ эти два человѣка, одинъ смуглый, коренастый мужчина лѣтъ 40, сидѣвшій у стола, другой блондинъ помоложе, вставшій у окна для того, чтобы произнести рѣчь свою стоя, — что эти два человѣка вожаки гонимыхъ кадетовъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ и защищающихъ передъ революціоннымъ судилищемъ честь первой Думы.

Первымъ заговорилъ сидѣвшій за столомъ с.-д. Мартыновъ. Закругленными, увѣсистыми фразами, дѣловитымъ тономъ изложилъ онъ намъ, какое неизмѣримое значеніе имѣла первая Дума для всего нашего общественнаго движенія въ прошломъ и будущемъ. Лучшій другъ первой

Думы не могъ быть краснорѣчивѣе въ надгробномъ о ней словѣ. Но то было еще только строгое, холодное, дѣловое краснорѣчіе Брута. Заговорилъ и Антоній. Пламя горячаго восторга вспыхивало въ очахъ его, когда онъ упоминалъ одно имя Первой Думы; каскадъ звонкихъ фразъ воскрешалъ передъ глазами слушателей ея добродѣтели; гордою увѣренностью въ нетлѣнности ея дѣяній звучали заключительные аккорды вдохновеннаго надгробнаго слова, произнесеннаго представителемъ с-ровъ, Викторомъ Черновымъ. Все это было слишкомъ . . . неожиданно, чтобы могло быть оставлено безъ отвѣта. И отвѣтъ послѣдовалъ. Говорили Милюковъ, Кокошкинъ, Вл. Гессенъ, еще кто-то; если не ошибаюсь, Петражицкій и Шаховской. Особенно удачна была исполненная ѣдкаго сарказма рѣчь Вл. Гессена, который напомнилъ Чернову весьма недавнее прошлое, и остроумно изображалъ наше изумленіе по поводу столь внезапнаго совращенія столь закоренѣлыхъ еретиковъ . . .

Таковы были интродукціи, послѣ и во время коихъ приступлено было и къ практическимъ вопросамъ. Сохранить Думу — таковъ былъ главный и въ сущности единственный вопросъ. Каковы же были способы сохранить Думу?

Остаться здѣсь, въ Финляндіи — это могло бы быть сочтено за бѣгство, которое не только не возвыситъ, но умалитъ значеніе Думы въ глазахъ народа. Наоборотъ: исполнивъ неотложное, подписавъ воззваніе, слѣдовало скорѣе вернуться въ Россію и вернуться такъ, чтобы было внѣшнимъ образомъ ясно наше нежеланіе укрываться и готовность идти на встѣчу опасностямъ. Поэтому мы предложили вернуться на слѣдующій же день въ Петербургъ и притомъ по возможности всѣмъ депутатамъ вмѣстѣ. Это предложеніе и было принято: на пребываніи въ Финляндіи никто серьезно и не настаивалъ. Существовалъ, правда, одинъ весьма фантастическій планъ какого-то финляндскаго доброжелателя первой Думы, все обращавшагося къ намъ съ предложеніемъ: посадить Думу на корабль и пустить его на море плыть около береговъ Финляндіи. Но этотъ своеобразный проектъ былъ, естественно, немедленно отклоненъ безъ преній.

Рѣшено было, значитъ, ѣхать въ Петербургъ. Но въ этомъ рѣшеніи былъ не конецъ, а начало всѣхъ недоумѣній и разногласій. Ибо наши товарищи слѣва, и преимущественно члены ихъ Центральныхъ Комитетовъ, находили, что слѣдуетъ сохранить Думу и по возвращеніи въ

Петербургъ. Какъ? это было совершенно неясно. Позднѣе, на слѣдующій день, въ Петербургѣ уже, трудовики предлагали намъ, остающимся 100 или 150 депутатамъ (остальные разъѣхались) засѣсть въ одномъ домѣ и оттуда издавать нѣчто вродѣ рескриптовъ къ народу. Но въ данную минуту, въ Выборгѣ, планъ не представлялъ даже этой степени опредѣленности. Опредѣленность того или иного плана, впрочемъ, насъ и не особенно занимала. Ибо для насъ было совершенно очевидно, что съ какой стороны ни подойти къ вопросу, какой бы конкретный планъ ни сочинить, все будетъ зависѣть отъ наличности той поддержки, какую можетъ оказать намъ населеніе. Изолированные, никѣмъ не поддерживаемые, не увѣренные, что за нами сила, мы будемъ представлять жалкую кучку безсильныхъ маніаковъ, которую въ лучшемъ для насъ случаѣ правительство перехватитъ, какъ незаконное сборище, въ худшемъ—предоставитъ своей судьбѣ.

— «Дайте намъ шпалеръ въ 50 000 человѣкъ, и мы пойдемъ въ Таврическій дворецъ». Такъ формулировалъ эту мысль одинъ изъ нашихъ въ отвѣтъ представителю соціалъ-демократовъ. Но дѣло въ томъ, что и самъ представитель соціалъ-демократовъ чувствовалъ себя крайне нетвердымъ

въ вопросъ о народной поддержкѣ, а касательно шпалера въ 50 000 человѣкъ далъ вполнѣ ясный отрицательный отвѣтъ. Представители другихъ партій молчали; Черновъ послѣ своей большой рѣчи не произнесъ, кажется, ни слова; Натансонъ, — человѣкъ, повидимому, по природѣ очень застѣнчивый,— не принималъ вообще никакого участія въ бесѣдѣ и только внимательно слушалъ, сидя поодаль у окна, на фонѣ котораго пріятно выдѣлялась красивая, бѣлая, какъ лунь, старческая голова его. Одинъ только Жилкинъ изъ числа нашихъ болѣе лѣвыхъ товарищей еще иногда вмѣшивался въ бесѣду, но замѣчанія его носили отпечатокъ такой глубокой грусти, и столько было въ нихъ горестнаго безвѣрія, что сильнѣе нашихъ разсужденій они побивали доводы товарища Мартынова. Въ концѣ концовъ стало совершенно ясно, что стремленіе сохранить Думу покоится не на увѣренности — хотя бы ошибочной — въ наличности достаточныхъ силъ для ея поддержанія, а наоборотъ, что желательно, повидимому, самое упорство Думы превратить въ видимость революціоннаго настроенія. На такую азартную игру, въ которой на карту ставился весь престижъ первой Думы, а шансовъ выигрыша не было никакихъ, мы, ко-

нечно, согласиться не могли. И предсѣдательствующій, закрывая засѣданіе, долженъ былъ констатировать, что, если не считать совмѣстной поѣздки въ Петербургъ, никакого соглашенія между группами не состоялось.

Въ 12 часу ночи мы вышли изъ большого зала гостиницы. Въ сосѣдней комнатѣ встрѣтились съ пріѣхавшимъ недавно въ Выборгъ кн. Урусовымъ, который подписалъ воззваніе уже въ то время, когда мы засѣдали съ комитетами въ сосѣднемъ залѣ. На слѣдующій день, во вторникъ, съ поѣздомъ, отходившимъ въ 1 часъ дня, всѣ депутаты отправились въ Петербургъ. Неизмѣнный нашъ фотографъ, поѣхавшій за нами въ Выборгъ и тщетно добивавшійся все время разрѣшенія увѣковѣчить наше собраніе, поймалъ насъ, наконецъ, въ свободную минуту, передъ отходомъ поѣзда, и снялъ группою на площадкѣ передъ вагонами. Это, кажется, единственный выборгскій снимокъ. На вокзалѣ было очень людно и шумно. На платформѣ была довольно значительная толпа народу, проводившая насъ пѣснями и возгласами. То же въ меньшихъ размѣрахъ происходило и на другихъ финляндскихъ станціяхъ, все слабѣя по мѣрѣ приближенія къ нашей границѣ. Въ отвѣтъ на привѣтствія раз-

давались пѣсни изъ поѣзда, и кое гдѣ изъ окошекъ вагона показывалась красная матерія, не то флаги, не то шарфъ или кашнэ.

Въ поѣздѣ царило большое оживленіе. Вагоны были биткомъ набиты депутатами, возбужденно бесѣдовавшими, переходившими отъ группы къ группѣ, изъ вагона въ вагонъ. Многихъ сопровождали жены, выѣхавшія съ ними вмѣстѣ въ Выборгъ или поспѣшившія мужьямъ на встрѣчу. И хотя господствовала почти полная увѣренность, что мы будемъ арестованы, и проводы женъ пріобрѣтали вслѣдствіе этого особенный характеръ, настроеніе въ поѣздѣ оставалось все время бодрымъ и стойкимъ. Во время движенія поѣзда пришлось намъ и «засѣдать» въ нашемъ партійномъ комитетѣ: нужно было вырѣшить нѣсколько очередныхъ вопросовъ, а въ Выборгѣ не успѣли. Стоя толпою въ проходномъ вагонѣ второго класса, мы совѣщались о томъ, что слѣдуетъ предпринять немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ. Мы отклонили сдѣланное намъ предложеніе о массовомъ шествіи пѣшкомъ отъ вокзала по улицамъ Петербурга, не сомнѣваясь, что это окончится весьма прозаическимъ приглашеніемъ насъ въ участокъ, Затѣмъ, порѣшивъ еще нѣкоторые очередные

партійные вопросы, условились, на случай, если бы слухи о предполагаемомъ арестѣ, не оправдались, — сойтись вечеромъ въ нашемъ клубѣ на Потемкинской.

А черезъ вагонъ, въ которомъ мы засѣдали, проходилъ то тотъ, то другой и, повидимому, шмыгали также господа въ гороховыхъ пальто.

Ареста ни на пограничной станціи въ Бѣлоостровѣ, ни на вокзалѣ въ Петербургѣ не послѣдовало. Вокзалъ кишѣлъ жандармскими чинами всѣхъ ранговъ, черезъ строй которыхъ намъ приходилось двигаться отъ вагона до извозчиковъ. Но насъ не тронули. Народу на вокзалахъ, такъ же какъ и на улицахъ, было совсѣмъ мало. Одинъ только В. В. Хижняковъ встрѣтилъ насъ какимъ-то сочувственнымъ возгласомъ и за это былъ немедленно задержанъ и пробылъ въ тюрьмѣ дней 5—6. Спокойно, никѣмъ не тревожимые и незамѣчаемые, мы разъѣхались по домамъ.

Вечеромъ состоялось засѣданіе нашего Комитета. Оно не могло состояться въ клубѣ, ибо помѣщеніе клуба было окружено полиціей, очевидно, уже освѣдомленною относительно нашихъ плановъ (былъ же Азефъ въ Выборгѣ и, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ нами оттуда возвращался). Этотъ опытъ убѣдилъ насъ, что въ Петербургѣ не

только распущенной Думѣ, но и комитету партійному собраться не дадутъ, и что потому для обсужденія очередныхъ вопросовъ придется намъ ѣздить въ Финляндію. Такъ и рѣшено было: оставаясь въ Петербургѣ, фракція должна была на слѣдующій же день выѣхать на совѣщаніе въ Теріоки. Совѣщанія въ Теріокахъ затянулись: они длились три дня (13, 14 и 15 іюля), и ежедневно съ утреннимъ поѣздомъ члены фракціи отправлялись въ Теріоки, а къ вечеру возвращались въ Петербургъ. Совѣщанія эти, происходившія на дачѣ товарища нашего по Думѣ, Коммисарова, по предмету своему выходятъ за предѣлы нынѣшнихъ воспоминаній. Они опредѣлили тактику партіи на будущее время, но не имѣли прямого отношенія къ выборгскому воззванію. Не обсуждался на нихъ и вопросъ о распространеніи воззванія. Это распространеніе, за которое мы затѣмъ судились, за которое отсиживали въ тюрьмѣ, озабочивало насъ, какъ уже сказано, чрезвычайно мало. Мы были совершенно увѣрены, что безъ всякихъ усилій оно получитъ огромное распространеніе. И если бы намъ въ голову могло прійдти, что для распространенія прощальнаго воззванія первой Думы требуются еще

усилія, мы, вѣроятно, отказались бы отъ его составленія. И на дѣлѣ оказалось, что мы не ошиблись. Воззваніе читалось достаточно. Ему только пока мало слѣдовали . . .

Петербургское совѣщаніе 12 іюля, о которомъ рѣчь шла выше, происходило на квартирѣ Долгоруковыхъ, въ невысокой, но пространной старомодной гостиной барскаго дома на Сергіевской. Было какъ-то особенно жутко въ этой уютной домашней обстановкѣ. Впервые опять на положеніи травимыхъ звѣрей. Опять конспирація, чашка чаю. Мы такъ уже отвыкли отъ этого. Рядомъ Дума, тутъ же по сосѣдству нашъ клубъ, гдѣ такъ недавно кипѣла еще жизнь. Теперь все это отмерло, и мы бродимъ, какъ тѣни, прячась отъ дневного свѣта, засѣдая подъ стражею разставленныхъ караульныхъ, настораживаясь при всякомъ шорохѣ. Давно, давно все это было. Неужели опять? Жутко, гадко . . .

Во время нашего засѣданія явилась къ намъ депутація отъ трудовиковъ. Она предлагала собраться вмѣстѣ всѣмъ депутатамъ и засѣсть въ какой нибудь квартирѣ на подобіе Думы. Трудно было избрать моментъ и обстановку, менѣе подходящіе для такого плана. Мы сидѣли въ Петербургѣ; не только столица — вся страна уже

знала о роспускѣ. И ни откуда живого отклика: народъ хранилъ гробовое молчаніе. Да, три дня тому назадъ, въ той обстановкѣ, это было не только возможно, но и необходимо. Да, Дума засѣдающая можетъ, а подчасъ должна, остаться сидѣть, не считаясь ни съ чѣмъ. Она достаточно импозантна сама по себѣ, безъ поддержки извнѣ. Но Дума, которую удалось разсѣять, распустить въ буквальномъ смыслѣ слова, можетъ вновь собраться только когда ее вынесетъ на гребень волны народный энтузіазмъ. Еще вчера, тамъ, вдали, можно было заблуждаться, можно было гадать. Сегодня, здѣсь, ни заблуждаться, ни гадать было нельзя: передъ нами была нагая, безотрадная дѣйствительность.

На этомъ все или почти все кончилось.

Такова незамысловатая повѣсть о послѣднихъ дняхъ первой Думы. Я чувствую, мнѣ удалось, въ лучшемъ случаѣ, возсоздать лишь голый остовъ ея, — безкровный, безжизненный. Все, что двигало имъ — кровь и нервы — исчезло; память неспособна уже возсоздать ихъ. Да и изъ мертвыхъ костей уже кое чего не досчитываешься. Еще немного — и для будущихъ поко-

лѣній осталась бы лишь могильная плита съ неясной эпитафіей. Оттого надо было спѣшить хоть теперь воспроизвести прошлое хоть въ блѣдныхъ тѣняхъ. Быть можетъ, эта печальная быль, столь простая и блѣдная, кое кого разочаруетъ, кое у кого вызоветъ на уста улыбку сожалѣнія, а то и злорадства. Пускай . . . Снисходительныя улыбки умудренныхъ нашимъ же опытомъ скептиковъ и злорадный хохотъ упивающихся временнымъ торжествомъ побѣдителей, — все пройдетъ.

Конечный счетъ впереди . . .

